

Крутовская Е.А.

ДИКСИ

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Красноярск, 2020

ББК 84(2=411.2)-44

УДК 821.161.1-3

К84

Крутовская Е. А.

К-84 Дикси: Рассказы о животных / Е. А. Крутовская, фото Дж. Дулькейт, рис. Е.О. Аблязова — 3-е изд., доп. — Красноярск: «Sitall», 2020. — 96 с., ил.

ISBN 978-5-98708-110-5

В книгу Елены Александровны Крутовской вошли рассказы о некоторых животных, нашедших приют в «Живом уголке», который она создала на территории заповедника «Столбы».

Переиздание осуществлено по инициативе и на средства администрации национального парка, к 95-летию «Красноярских Столбов».

ББК 84(2=411.2)-44

УДК 821.161.1-3

© ФГБУ «Национальный парк «Красноярские Столбы», 2020

© Полиграфическая компания «Sitall», 2020

ВВЕДЕНИЕ

Друзья! У вас в руках очередное переиздание книжки Елены Александровны Крутовской «Дикси».

Читать нам всем теперь «некогда», но эти рассказы и не созданы для «чтения». Вернее, не только для чтения. Они созданы в первую очередь для общения и для того, чтобы почувствовать, как важно уметь наблюдать, замечать и понимать окружающий нас мир.

Без малого сорок лет, с начала шестидесятых и до двухтысячного года, поход в заповедник «Столбы» почти для всех был неразрывно связан с посещением «Живого уголка» в Нарыме. Того самого, который красноярцы метко прозвали «Приютом доброго доктора Ай-Болита». И не удивительно, ведь «постояльцами» «Уголка» становились лишь попавшие в беду звери и птицы: сироты-детеныши, подранки — жертвы браконьеров...

И был в том «Приюте» настоящий «добрый доктор» — Елена Александровна Крутовская. Лечила она не только животных, но и души людей, которые приходили в «Живой уголок».

А началось все в далеком 1949 году. Елене Александровне как зоологу «Столбов» знакомые приносили (благо, она жила прямо в заповеднике) подобранных в лесу беспомощных зверей и птиц. Она мазала им ранки, бинтовала переломы и, как только появлялась возможность, выпускала обратно в тайгу. Но не всех. Только тех, кто мог выжить. А разве может в тайге выжить волк с перебитой капканом и отгрызенной в отчаянной схватке за жизнь лапой?

Все калеки и те бедолаги, что пожив у человека с младенчества, не имели шанса прокормить себя сами, оставались на пожизненный пансион в Нарыме. Муж Елены Александровны — Джемс Георгиевич

Дулькейт, — будучи не только метеорологом заповедника, но и мастером на все руки, строил вольеры, друзья помогали с кормами. Проводывали своих «крестных» и те, кто принес подранков, и их друзья, и знакомые друзей...

Вскоре посетителей, да и подопечных «частной лечебницы» стало так много, что администрации «Столбов» стало неловко игнорировать наличие новой и весьма популярной у гостей заповедника «структуры». В 1961 году о создании «Живого уголка» было объявлено официально.

Приют быстро разрастался, пополнялся новыми постояльцами: орлами, канюками, совами, рысями, лисицами, косулями, маралами... В 1964 году, по настоянию дирекции, появился единственный купленный медведь Миха Тайгиш, будущая мегазвезда «Столбов».

Но красноярцев и гостей со всего Советского Союза в «Живой уголок» привлекали не только звери и птицы, но и ощущение добра и мудрости этого места. Елена Александровна не просто лечила и ухаживала за своими подопечными — она с ними дружила. Заботой, общением и строгой лаской приучала даже волков настолько, что гуляла с ними по «Столбам» без привязи.

Воспитывала она и... гостей. Не каждый входящий в «Уголок» понимал, почему нельзя пихать палки в клетку, стучать по сетке. Были и такие, кто, увидев лисицу или рысь, норовили «примерить их меха на себя» или показывали пальцем на «однокрылую уродину». И тогда Елена Александровна тихо, не на публику говорила им что-то такое, от чего хулиганы краснели, а «модницы» смущённо опускали глаза и после продолжали обход вольеров уже тихо, внимательно всматриваясь в мордочки сидящих там зверей и птиц.

Пообщаться с хозяйкой «Приюта доброго доктора Ай-Болита» было большой удачей. Стоило ей присесть на любимую лавочку, как вокруг собирались взрослые и дети, чтобы спросить, послушать и удивиться, как мало мы знаем про братьев наших меньших. А может, и знаем, но... оказывается, такие иногда злые эти познания.

А как только удавалась свободная минутка, Елена Александровна открывала тетрадку и записывала свои мысли. И мысли эти становились ненавязчиво поучительными рассказами. Вроде бы о питомцах «Живого уголка» но, конечно же, и о людях к ним приходящих. Тех самых, которых общение с миром живой природы делает пусть чуть-чуть, но лучше.

В 1984-м году Елены Александровны не стало. В 2000-м «Живой уголок» «переехал» поближе к Красноярску, став первоосновой парка флоры и фауны «Роев Ручей». А в 2013 на месте вольеров появились гостевые домики научно-познавательного комплекса «Нарым», где для школьников и студентов продолжается экологическое просвещение и воспитание.

Времена меняются, но остаются удивительные рассказы Елены Крутовской, хорошего, мудрого человека, которые и сегодня стоит пронести сквозь свое сердце, чтобы сберечь в нем частицы добра.

О Крутовской

Елена Александровна Крутовская (24.09.1914–19.09.1984) родилась и выросла в городе Красноярске. После окончания педагогического института (1938) пришла работать в заповедник «Столбы». Елена Александровна была первым зоологом заповедника, ею составлен первый список животных заповедника. В 1961 году был официально признан созданный ею «Живой уголок», на калитке появилась надпись: «Сюда принимаются попавшие в беду звери и птицы». Но, по существу, следовало бы добавить — и люди. Многие, многие заблудшие души нашли здесь приют и ласку.

Елена Александровна хотела, чтобы на Столбах звучали детские голоса, а дикие звери и птицы доверчиво бежали и летели навстречу, утратив страх перед человеком. Главным для нее всегда было воспитание в человеке чувства доброты. А его нельзя привить запретами...

Дикси

У этой вольеры всегда толпа. Подойдем, познакомимся с ее обитательницей.

С первого взгляда кажется, что вольера пуста. Только взглядевшись внимательнее, вы заметите, что с крыши зимнего домика, из глубины вольеры, за вами пристально следят яркие холодные глаза. (Вот так где-нибудь в тайге, затаясь на ветке дерева, подстерегает добычу дикая рысь — сестра нашей Дикси. Пройдет человек под деревом и не заметит, что был на волосок от смерти...)

Сжавшись в комок, подобрав под себя лапы, часами неподвижно сидит Дикси на крыше домика.

Здесь она в безопасности, здесь ее не достать ни палкой, ни камнем, и можно спокойно наблюдать за туристами.

Туристов Дикси не любит: очень уж шумный и бестактный народ, кричат, хохочут, лупят палками по сетке... Пусть их! Все равно не заставят Дикси спуститься вниз.

В холодном взгляде Дикси — спокойное и гордое презрение. Кажется, она говорит всей этой шумной толпе: «Странные существа вы, люди! Неужели вы не понимаете, КТО перед вами? Это собаку или кошку можно запугать, заставить подчиниться, пригрозив палкой. Я — Рысь! Не зря для североамериканских индейцев я символ непреклонного мужества! Меня нельзя унижить, я — умру, но не покорюсь!»

Хотите познакомиться с Дикси поближе? Уберите палки, перестаньте кричать. Ну вот, а теперь с ней поговорю я. Укусит меня Дикси?

— Дикси, ты меня укусишь? Не сердись. Вот так-то лучше, лизни мне руку и спой песенку, да погромче, так, чтоб всем было слышно, как ты славно поёшь: «курр-мурр, курр-мурр...». Почесать тебе

за ухом? Перестань ворчать. Знаю, что народ тебе надоел, но ведь это твоя работа, за это тебя кормят. Ну-ка ещё помурлыкай погромче, вот так! Ну, а теперь прыгнем!

И Дикси прыгает вниз. Она прыгает неохотно, лениво, но всё же подчиняется. Нет, не силе, не угрозе палки — подчиняется человеку-другу, единственному из людей, которому она доверяет. Я очень горжусь, что этот человек — я.

— Молодец, кошка! Спасибо. Ну-ка подойдём поближе к сетке, покажемся туристам.

Я обнимаю Дикси, поднимаю её на задние лапы — так она выглядит особенно эффектно! И обе мы подходим вплотную к сетке. Дикси ласково мурлычет, лижет мои руки и, занятая мной, снисходительно-небрежно разрешает девушкам погладить через сетку её пушистую шубку и даже потрогать чёрные кисточки на ушах.

— А, понятно, у неё когти обрезаны, да и клыки, верно, вырваны! — говорят в толпе.

Я раскрываю Дикси пасть, и она демонстрирует туристам свои великолепные «в полной боевой готовности» белоснежные зубы. Потом я беру в руки Диксину «лапочку» и заставляю её выпустить зажатые в бархатные «ножны» острые, как кинжалы, изогнутые когти, одного удара которых было бы довольно, чтоб меня покалечить.

— Почему же она вас не цапает?

— Потому что она — зверь! — отвечаю я шутя. — Звери никогда не ранят друзей!

В комнатах Дикси была теперь, как дома. Отлично знала всё, что запрещено, и пользовалась каждым случаем, чтоб нахулиганить... Лезет на птичью вольеру, встав на задние лапы, разглядывает сквозь сетку перепуганных птиц.

— Дикси, ремень!

— Ау... (Это значит: «Я хочу, не мешай...»)

— Дикси, ремень!

— Бррр... (Низкое ворчание — выражение обиды и недовольства.)

Ремень хлопает. Дикси отскакивает от вольеры, ловко избежав шлепка, валится тут же на пол, щурится и запевает песню... (Я — ничего, я — паинька...»)

«Мясо» на языке Дикси — «бу!» (Особенный характерный звук, вроде выдоха, и движение головой снизу вверх.) Вот что вышло однажды с этим «бу!». Один знакомый пришёл к нам со своим маленьким сынишкой. Дикси лежала в спальне на моей койке, все о ней забыли. Вдруг вижу: в глазах у Алёшки испуг. Оглянувшись: Дикси крадётся, не спуская с Алёшки пристального взгляда.

— Дикси! — резко окликаю её. — Ты что это?

Посмотрела на меня и — требовательно, капризно, как балованный ребёнок «бу!».

— Какое это тебе «бу!». Ах ты, дрянь, я вот тебя! Ступай сейчас на место!

Заворчала недовольно, прыгнула назад на койку и зажмурилась.

Если приручение Дикси удалось мне вполне, то с другой частью задачи я не справилась: мне не удалось выработать у Дикси привычку к подчинению в той мере, как это было бы нужно. Я не сумела приучить её безотказно повиноваться приказам и не нарушать запретов (не накидываться на маленьких животных и птиц, всегда приходить на зов, ходить на поводке и так далее). Вероятно, если б Дикси попала в уголок совсем маленькой, мне это удалось бы. Дикси отлично знала всё, что НЕЛЬЗЯ, понимала приказания, но повиновалась всегда «со скрипом». Больше того, скоро я убедилась, что мои

попытки «воспитывать» её мешают собственно приручению, портят наши отношения.

Весной, когда мы переселили Дикси в просторную вольеру, где она была полной хозяйкой и все запреты отпали сами по себе, Дикси подружилась со мной по-настоящему. Ведь я стала для неё теперь не придирчивой воспитательницей с вечными «нельзя» и «фу!», а другом, приход которого — радость!

Сейчас Дикси пять лет. Про неё уже не скажешь: заморыш несчастный. Дикси выглядит вполне солидно. Взрослая рысь: не особенно крупная, но здоровая и сильная. Пушистая мягкая шерсть, упругие стремительные движения. Роскошные кисточки...

— Зачем ей эти хвостики на ушах? — обычно интересуются девушки.

— А зачем вам клипсы? — отвечаю я под весёлый смех туристов.

— Дикси ведь тоже особа женского пола — она любит пофасонить!

Не знаю, сколько Дикси весит (у нас нет весов для взвешивания животных), но носить её на руках через вольеру тяжело. А когда я поднимаю её на задние лапы, её голова на уровне моего плеча.

Тоскует ли наша кошка по вольной жизни? Не думаю. Ведь она выросла в неволе и вряд ли даже сумела бы прожить самостоятельно в тайге. Привыкла получать каждый день своё «бу» из человеческих рук, привыкла к безопасности... Нет, вольная жизнь не для неё.

Её жизнь в уголке тоже имеет свои радости. Главным её развлечением долго были игры с овчарками Дагни и Каем.

Каждое утро она с нетерпением ждала, когда же наконец распахнётся дверь дома и из неё с весёлым лаем выбегут друзья. Как только раздавалась команда: «Дагни, Кай, к кошке!» — она прыгала навстречу с радостным мурлыканьем.

Увы, теперь игры с собаками почти прекратились. Вопреки распространённому мнению о собачьей верности, мохнатые друзья изменили Дикси. Сначала к ней охладела Дагни. Новые кути, новые материнские заботы вытеснили из её сердца кутю Дикси. А Дикси по-прежнему верна своей первой, самой сильной привязанности. И даже обидно за неё, когда видишь, как холодно принимаются её пылкие ласки.

В дни своей юности Кай готов был играть с Дикси хоть целый день. Часами они возились, играли в «догоняшки», в «прятки», как два приятеля-мальчишки.

Кто не знал, мог подумать, что собака и рысь схватились насмерть и вот-вот перегрызут друг дружке глотки. Вот Дикси прыгнула на Кая с крыши домика, обхватив лапами, вцепилась ему зубами в горло... Кай вывернулся, поднявшись на дыбки, схватился с Дикси грудь с гру-

дью, уронил... Мелькает черное, рыжее, розовое, сверкают в яростном оскале белые зубы... Оба противника: лесной хищник — рысь и породистая шотландская овчарка — колли — хороши, каждый в своем роде. Оба одинаково наслаждаются игрой, этой веселой пробой сил... Но если Кай в щенячем азарте нередко увлекался и сильно кусал Дикси, Дикси ни разу не сделала ему больно. Ее страшные кинжалы-когти были всегда в ножнах, и зубы, хоть и скалились грозно, никогда не ранили друга.

Помню забавный случай. Однажды Дикси и Кай, наигравшись вволю, разошлись по углам. Дикси залезла в домик, а Кай развалился у дверцы вольеры и спит. Подходит пожилая солидная туристка, внимательно читает этикетку на вольере: «Рысь Дикси, 1961 год рождения». Ищет глазами рысь. Дикси не видно, спряталась в домике, в поле зрения один лохматый Кай.

— Никакой тут рыси нет! — говорит туристка категорично. — Одна россомаха!

Боюсь, что ленинградская дама, первая хозяйка Кая, очень гордившаяся его безукоризненной родословной, упала бы в обморок, услышав такую аттестацию своему породистому черно-белому колли!

Став взрослым солидным псом, на которого возложена ответственная обязанность — охрана хозяйственного двора, Кай, как и Дагни, изменил своей детской дружбе. Тщетно Дикси мурлыкает и трется лбом о сетку, приглашая его поиграть: Кай больше не желает с ней знаться...

Последняя привязанность Дикси — Вулька.

Вулька — помесь волка и собаки. Ее передали нам в уголок двухмесячным щенком, очень слабеньким и рахитичным.

Смешной малыш, пузатенький, большелопатый, ушки торчком, карие умные собачьи глаза и пушистая шерсть характерного волчьего окраса.

Обидишь — накидывается совершенно по-волчьи, глазенки загораются зеленым огоньком, зубки щелкают... С самого появления ее у нас в уголке я стала подозревать, что не кровожадный инстинкт хищника говорит в Дикси, когда она по целым часам мечется у сетки, пытаюсь поймать Вульку лапой. Боялась только ошибиться: а вдруг все же Вулька для Дикси «бу» — лакомый кусочек, который она схватит, едва впущу к ней волчонка? И только спустя месяц решилась наконец познакомить их поближе.

Через полчаса в тот же день все любовались идиллией: рысь и волчонок лежали, обнявшись, на солнышке и Дикси заботливо вылизывала Вулькину пушистую шубку и остренькую, измазанную в супе мордочку. Вульке надоела эта процедура, она вырвалась, побежала... Дикси за ней, нагнала, поймала, повалила и опять давай вылизывать, придерживая лапой, как кошка котенка...

С этого дня маленькая Вулька ежедневно проводила в Диксиной вольере несколько часов.

Я была совершенно уверена, что Дикси ее не обидит. В нашей «кошке» заговорил материнский инстинкт. С трогательной снисходительностью терпела она все самые наглые Вулькины выходки. Даже когда жадюга Вулька вырывала у нее куски мяса буквально изо рта, Дикси ни разу не вспыхнула. Вулька рявкнет, накинется — и Дикси сразу молча отходит. Стоит в стороне и смотрит, как Вулька уплетает ее обед, то самое «бу», которое Дикси любит больше всего.

До 1965 года Дикси гуляла с нами в лесу, преимущественно в зимнее время, так как летом на Столбах чересчур многолюдно. На прогулках она с увлечением играла в «дикую рысь». Рыла «окопы» в снегу, подкрадывалась к воображаемой добыче, подкарауливала «дичь», затаивалась на скалах.

...По лесной поляне, ярко освещенной лучами низкого зимнего солнца, постепенно все больше и больше удаляясь от темной стены пихтового леса, медленно движется, неторопливо обкусывая на ходу торчащие из-под снега сухие травянистые стебли, самка сибирского оленя — марала. Чу! — хрустнула позади ветка. Маралушка резко вскинула красивую точеную голову, большие уши-граммофоны осторожно повернулись в сторону подозрительного звука. Но все тихо. Маралушка успокоилась, продолжает пастись.

А шагах в двадцати от неё из-за снежного сугроба глянули и снова спрятались яркие холодные глаза рыси. Словно бы два зелёных фонарика вспыхнули и погасли. Рысь! Прилегла в своём снежном окопе, напружинив задние ноги, сжавшись в комок, ждёт. Только кончики чёрных кисточек виднеются из-за края окопа. Вот сейчас... всё ближе подходит не подозревающая опасности маралушка. Рысь выглянула — на секунду поднялась над сугробом круглая кошачья голова и снова исчезла. Прыжок!

Это Дикси и наша ручная маралушка — тоже воспитанница уголка Роя-Железная Нога. А всё происходящее — не более как инсценировка настоящей охоты, за которой, затаив дыхание, следит, «изготовив к бою» кинокамеру, Джемс. Отличные кадры выдаёт нам сегодня Дикси!

Роя обернулась. Прижав уши, пригрозила. Дикси осела на задние ноги, затормозила, повернулась и пошла прочь с независимым видом: «я ничего, я — паинька...». Отлично знает пушистая разбойница, что Роя ей не по зубам!

А вот это уже в чистом виде игра! Вдали по тропе пробегает Дагни. Скорее за камень. Снова сжавшееся в комок тело: пружинят, готовясь к прыжку, задние ноги... Бросок... И ласковое «mrrr» — друже-

ское предупреждение: «Это я — Дикси, друг. Не испугайся»... И как апофеоз «охоты» — весёлая борьба в сугробе...

Если «добыча» далеко, между ней и Дикси большое открытое пространство и негде спрятаться, Дикси передвигается «по-пластунски», двигая перед собой снежный вал — нечто вроде подвижного окопа. Проползёт несколько метров и затаится. Выставит на миг из-за вала кончики изогнутых, как концы лука, ушей, украшенных чёрными кисточками, глянет своими яркими глазами и опять, спрятавшись за краем снежного вала, ползёт к добыче...

...Идут лыжники, отдалённый скрип лыж, голоса... Дикси быстро-быстро разбрасывает рыхлый снег лапами, роет «окоп» и затаивается. Попробуй разгляди!

Отлично умеет она прятаться и в камнях: её розовато-дымчатый мех совершенно сливается с серо-розовым фоном сиенитовых глыб. Сколько раз лыжники с шумом и гамом пробежали мимо, даже не подозревая, что сверху, со скалы, за ними пристально следит притаившаяся Дикси.

Единственными реальными трофеями Диксиных охот были консервные банки на туристских стоянках, которые наша рысь с удовольствием вылизывала (особенно ей нравилась сайра!).

Зато сама Дикси нередко становилась добычей фото- и кинорепортёров.

Весной 1963 года (в марте) Дикси однажды убежала с прогулки. Она не вернулась в уголок и к ночи. Ушла в камни под «Второй Столб» и попробовала зажить вольной жизнью. Первое «посольство», отправившееся за ней (Джемс и Дагни), успеха не имело. Дикси, правда, вышла к послам, промурлыкала им приветственную песню, поиграла с Дагни, но вернуться в уголок отказалась. Послы вернулись ни с чем.

На рассвете в тот день она ходила на охоту, но не сумела ничего добыть. Живое «бу» почему-то не хотело даваться: улетало или убежало, прежде чем Дикси успевала его схватить.

Единственной её жертвой в то утро оказался наш «знатный американец» — чёрно-серебристый лисёнок Гай, за неделю до того убежавший из уголка. Дикси встретила его под «Вторым Столбом», загрызла, но есть не стала. Всё это Джемс и Дагни «прочитали» на снегу, когда искали беглянку.

Под вечер мы отправились к Дикси втроём: Джемс, Дагни и я. Джемс и Дагни миновали небольшую, отдельно стоявшую скалу, вокруг которой вилась чёткая цепочка свежих рысьих следов, а я отстала. Когда поднималась по склону, где-то впереди, в хаосе скал, слышался звонкий тоскливый крик рыси: «мао! мао!». Сейчас он замолк. Дикси, наверное, видела нас и затаилась на скале, готовая к прыжку. Я поравнялась со скалой. Бросок! Она рассчитала точно: прыгнула прямо к моим ногам и приветствовала меня громкой радостной песней.

Но только поздно вечером, когда уже совсем стемнело, когда смолкли чужие голоса на базе и привычным мерным гулом загудел движок (знакомый мирный звук), Дикси вернулась домой.

Следующей весной (также в марте) она повторила свой побег. И опять нам удалось «угovorить» беглянку вернуться.

Март — пора рысиных свадеб. Дикси в это время сильно волнуется и тоскует. А тут ещё школьные каникулы: на Столбах полным-полно ребятишек. Известно, какой это беспокойный народец! Как воробы, забираются во все щели, если калитки закрыты — лезут через заборы, осаждают вольеры, закармливают зверей конфетами... Дикси конфет не ест, от ребятишек ей одно беспокойство.

Вот почему она именно в это время старается сбежать из уголка.

Людам она не опасна. Даже детям. Я совершенно уверена, что Дикси, если её не трогать, никогда первая не нападёт на человека. Но нет никакой уверенности, что, вернувшись из «самоволки», неожиданно для нас (ведь не будешь караулить всю ночь!) она не надумает «поиграть» с косульками так же, как с лисёнком Гаем. Да и очень уж жалко потерять нашу «звезду»: вдруг всё-таки надумает уйти насовсем. Поэтому последние два года мы не выпускаем Дикси из вольеры. Дикси очень обижается, что мы не берём её с собой на прогулки.

Обижаются и кинорепортёры, которым не удаётся повторить сделанные Джемсом кадры — «дикая рысь в диком лесу». Но что делать...

Со мной Дикси дружна по-прежнему. Узнаёт меня в толпе, радуется, когда подхожу к вольере, играет... Сделает вид, что ей нет до меня никакого дела, и вдруг неожиданно прыгнет сзади, обхватит мягкими лапами за шею, куснёт легонько — и умчится. Или — развалится у меня на коленях, лижет мне руки шершавым языком и мурлычет ласково, по-кошачьи: «кррр-мррр... кррр-мррр...». Любит она также играть в мяч... по вечерам, когда «рабочий день» уже окончен и у вольер нет никого чужих.

В присутствии чужих она никогда не бывает так весела и ласкова, как наедине со мной. Чем больше толпа у вольеры, чем шумнее ведут себя туристы, тем труднее уговорить Дикси «работать».

Осенью 1964 года у меня с Дикси случилось ЧП. Наш уголок посетили туристы с поезда Дружбы. Их было очень много: что-то около трёхсот человек. Хотя они заходили на территорию уголка тремя «порциями», в каждой «порции» было столько людей, что наш маленький уголок не мог их вместить. Толпа заняла всю дорожку между вольерами. Перед вольерой Дикси туристы стояли в пять или в шесть рядов. Когда я зашла к Дикси, она, взбудораженная необыч-

ным скоплением народа, предупредила меня глухим ворчанием, что «работать» не хочет. По нашему с ней неписаному договору в таком случае я обычно не принуждаю её. Но в этот раз отказаться от демонстрации было нельзя. И я, нарушив договор, осторожно стянула Дикси с крыши домика вниз и начала обычную беседу с туристами.

Дикси покорила, лежала смирно под моей рукой, даже замурлыкала тихонечко и лизнула руку...

Фотографы с фотоаппаратами и кинокамерами, столпившись в вольере у раскрытой настежь двери, забыв об осторожности, в азарте ловили кадры. Мерно жужжали кинокамеры. Толпа по ту сторону вольеры, напирая, шумела, туристы сыпали градом вопросов. Моего постоянного помощника Джемса в этот день не было, я работала одна с Каем. Мне приходилось одновременно и отвечать на вопросы, и следить за Дикси (ведь фотографы находились всего шагах в пяти

от рыси, тут же в вольере!), и выполнять многочисленные просьбы: «Поднимите, пожалуйста, рыси голову! Будьте добры, улыбнитесь! Чутьчку правее, умоляю! Пусть она ещё раз лизнёт вам руку, скажите ей!». Один из фотографов стал настойчиво просить организовать ему «семейный портрет»: я, Дикси и Кай. Я приказала Каю подойти. Но этот собачий «аристократ» вдруг закапризничал (это с ним иногда бывает): поднял свою узкую породистую голову, посмотрел мрачно-новатыми, темно-кариими глазами и — ни с места! Я протянула руку, чтоб подтащить его к себе, на секунду ослабив контроль над Дикси, и тут... Не очень-то приятно, я вам скажу, получить публичную оплеуху, хотя бы в какой-то мере и заслуженную!

Вряд ли Дикси хотела серьёзно меня ранить — лапа была «мягкая», со втянутыми когтями, — но один коготь, один «рыболовный крючок» каким-то образом зацепился за край моего уха, слегка... Вырвавшись из моих рук, Дикси с низким грозным ворчанием прыгнула на домик и затаилась.

Ранка была невелика, но кровь текла обильно. К счастью, на мне была кофточка тёмно-красного цвета: на красном фоне кровь не так видна. Почти никто из туристов не заметил, что Дикси меня поранила. Категорическим тоном попросив фотографов выйти, я подошла к Дикси: уйти из вольеры после такого ЧП, не восстановив дружеских отношений с Дикси, было нельзя. Заставила кошку «извиниться» — лизнуть мне руку — и только после этого продолжила беседу, уже вне вольеры.

Назавтра Дикси встретила меня как ни в чём не бывало: ласково мурлыкала и лизала мне руки. Я, разумеется, тоже сделала вид, что ничего не случилось.

Что же? Значит, Дикси опасна?

Конечно, в какой-то степени, как и всякий прирученный хищник. Непредвиденные ЧП возможны всегда, нужно быть постоянно начеку. Но вместе с тем я совершенно уверена что пока я сама не допущу ошибки (как было в том случае, о котором я только что рассказывала), Дикси не нарушит наш «договор дружбы». В характере её нет коварства, она прямо в своей ненависти и любви. Мне ли не знать — ведь я её вырастила!

Признаюсь вам (по секрету от Дикси!), я немножко ревную её к Дагни, Каю и Вульке. Мне кажется, она любит их больше, чем меня. И это несправедливо. Потому что из нас четверых я — самый верный её друг. Никогда я не устану гордиться её дружбой, с таким трудом завоёванной...

Рысь распространена по всей лесной зоне европейской части СССР, а также в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии. За пределами нашей страны встречается в Западной Европе, Иране, Китае, Тибете, Гималаях и в лесах Северной Америки. Ведёт преимущественно ночной образ жизни.

Внешний вид рыси очень характерен: короткое туловище, высокие ноги, несколько приподнятый зад. На круглой голове — большие уши с длинными кисточками. Хвост короткий, точно обрубленный. Пальцы соединены перепонкой, поэтому рысь легко передвигается по глубокому рыхлому снегу. Окраска — рыжевато-палевая с тёмными буроватыми полосами и пятнами. Это крупная кошка: длина туловища взрослой рыси 90–140 сантиметров, вес около 15 килограммов. Встречаются экземпляры и до тридцати килограммов! Пища рыси разнообразна. Рысь нападает на птиц, часто основу её «меню» составляют мелкие грызуны и зайцы. На Алтае нередко преследует косулю, кабаргу и даже молодых маралов. В первом томе фундамен-

тального труда «Жизнь животных» дедушки Брема¹, нашего старинного консультанта «по делам звериным», читаем:

«...Рысь — высокоразвитый хищник, такой же хищный и кровожадный, как леопард и пантера... от мельчайших млекопитающих и птиц до козули и глухаря... едва ли какое-либо живое существо от неё застраховано...»

Рыси трудно приручаются. «Безнадежное дело», — говорили нам, когда мы взялись за воспитание Дикси.

Всё началось с коротенькой записки от лесничего Баркалова, старого «болельщика» нашего уголка, не раз поставлявшего нам интересных воспитанников: «В краевом музее есть маленький-маленький рысёнок. Предлагаю подарить заповеднику. Сообщите согласие. Будут ждать неделю, потом забьют на чучело...». Было это, помнится, 15 сентября 1961 года.

Рысёнок! Вы понимаете, что это такое — заполучить в свои руки рысёнка!

Если б фотографу предложили испытать новый фотоаппарат, если б скрипачу посулили редкую скрипку, лётчику — самолёт последней конструкции... Могли бы они сказать «нет»?

Трудно было в те дни с прокормом животных. У заповедника средств на живой уголок не было, приходилось всячески изворачиваться. Уголок фактически существовал на нашу зарплату да добротные даяния «болельщиков».

Вспомнила я, как год назад пришлось мне по этой причине отпустить на волю беркута Кучума: царь птиц не желал есть ничего, кроме свежего мяса, и я не смогла его прокормить.

¹ Брем Альфред Эдмунд (1829–1884) — немецкий зоолог.

Вспомнился мне и Волчик. Сколько бед было с его воспитанием оттого только, что мы не могли достаточно сытно кормить его. Рысёнка ведь тоже супом и кашами не прокормишь.

Моего благоразумия хватило до конца недели. А в последний день недели старенький «газик» мчал меня по асфальту городских улиц к музею.

Никто из красноярцев, видевших его, конечно, не подозревал, что «газик» провёз мимо них полномочного посла «великой державы», ещё раз осуществлявшего своё право предоставления убежища осуждённому. У меня сердце замирало: скорее, скорее... Теперь, когда решение было принято, Дикси была уже моя, я отвечала за её жизнь, и узнать, что мы опоздали, представлялось просто катастрофой.

Как попал рысёнок в краевой музей и почему — Дикси? Работники музея купили его за десять рублей у охотника на чучело. Подрастили, подкормили (очень уж был заморенный!), а потом — сердце не камень! — пожалели убивать, решили подарить заповеднику. Всё равно хорошего чучела из рысёнка не вышло бы: заморыш, рахитик — куда такого в экспозицию? Пока рысёнок жил при музее, у него не было имени. Крестины состоялись уже на Столбах. Прежние хозяева подзывали рысёнка, как кошку: «кис-кис». Надо было придумать имя, в котором был бы этот звук. Так и вышло — Дикси.

Когда нам передали Дикси, она была размером с крупную кошку. Несимпатичный это был малыш! Взъерошенная тусклая шерсть какого-то неопределённого грязно-розового цвета, никаких кисточек на ушах (кисточки выросли только в ноябре), слезящиеся глаза, выдающаяся, как у дряхлого старичка, нижняя челюсть, всклокоченная борода с налипшими остатками пищи. Вдобавок ко всему этот

«звериный ребёнок» был ещё и озлоблен... Ей было тогда уже около пяти месяцев (в переводе на человеческий возраст — лет четырнадцать-пятнадцать). В этом возрасте и человеческие детёныши доставляют своим воспитателям немало хлопот и огорчений, а Дикси ведь была рысь. Немудрено, что мы брались за её воспитание без особой надежды чего-нибудь добиться.

На своё новое место жительства Дикси ехала в маленькой транспортной клетке в тороках на Горбунке — низкорослом коньке монгольской породы. Как и все монгольские лошади, Горбунок терпеть не мог, когда его заставляли тащить телегу или сани, в тороках же был согласен везти кого угодно (сколько я на нём разного зверья перевезла на Столбы!) и с философским спокойствием позволил нам втиснуть клетку с рысёнком в одну из перемётных сум, перекинутых через седло.

Когда я выехала из ворот конторы заповедника, уже совсем стемнело. Мне нужно было заехать в магазин за хлебом. Пока покупала хлеб, вокруг Горбунка собралась толпа парней. Они спорили, кто у меня сидит в тороках, и тщетно пытались рассмотреть Дикси через сетку клетки. Один подсунулся было совсем близко: «Кошку везёшь, тётка?». Рысёнок как рывкнет густым грозным басом — парень отскочил, споткнулся...

Когда ехали по тёмной лесной дороге, полной ночных звуков и шорохов, Дикси притихла, затаилась, как неживая. Должно быть, очень страшно ей было... Помню, уже недалеко от дома я испугалась: может, и вправду неживая. Тряхнула клетку — опять раздался грозный рык-предупреждение, что, мол, «у нас не шутят».

Целых полгода понадобилось нам, чтобы в прямом и переносном смысле взять этого ребёночка в руки!

Кота звали Барон Фекла фон Дитрих. Это был крупный красивый кот, с мягкой белой шерстью, такой же длинной и пышной, как его имя. В один из периодов своей жизни он был браконьером и, поняв, что это — позорное пятно на его биографии, изо всех сил старался теперь зарекомендовать себя с хорошей стороны. Он даже перед собаками заискивал: ходил на цыпочках и мурлыкал им приторно-льстивые комплименты, хотя его явно тошнило от запаха псины.

Кот жил при уголке на положении бесполезного приживальщика, и мы решили пристроить его «гувернёром» к Дикси. Ребёнку ведь обязательно нужен товарищ для игр!

Сначала познакомили их через решётку. Дело как будто шло на лад. Дикси проявила к «кандидату в гувернёры» явный интерес. Барон сохранил свою обычную вежливую невозмутимость и аристократическое изящество манер.

Увы...

Когда я на следующий день принесла кота к Дикси, Дикси, не дав бедному опомниться, разом его «оседлала», вцепилась в его пушистую шерсть когтями и зубами — и плохо пришлось бы Барону, если бы не вырвала его из Диксиных объятий и не выкинула вон. Растеряв всё своё аристократическое достоинство, Барон умчался в сад и там, взлетев на берёзу, принялся приводить в порядок свою потрёпанную шубу.

А Дикси ещё долго ходила у двери возбуждённая, вся ершом, заглядывая в щёлку, мяукала басом и отплёвывалась (Баронов пух навяз в зубах!).

Дедушка Брем оказался, как всегда, прав: между рысью и домашней кошкой — кровная вражда. Их не сдружишь.

Потерпев неудачу с Бароном, мы решили попробовать на это «ампула» нашу верную помощницу — овчарку Дагни.

На следующее утро, идя к Дикси, я пригласила её с собой. Дагни с радостью приняла приглашение. Наконец-то она узнает, кто спрятан у Хозяйки в старом доме!

У этого существа резкий странный голос, от него пахнет лесом и опасностью.

Дагни привыкла к тому, что её Хозяйка вечно притаскивает домой всякую лесную нечисть, на которую уважающей себя собаке и смотреть-то противно. Вся эта нечисть — «фу!», то есть трогать её нельзя. Дагни дисциплинированная собака, она привыкла уважать законы, установленные людьми, и повинует без рассуждения: «фу!» значит «фу!».

И сейчас она, конечно, не нарушит закон, кто бы там ни оказался за дверью: она только посмотрит и понюхает. «Ой, скорее, скорее, Хозяйка! Открой же дверь: совсем замучило любопытство!»

И вот она бурей врывается в комнату, а ей навстречу («Дагни, фу!») прыгает что-то, несомненно, лесное, враждебное, пахнущее хищным зверем... И это «что-то» одним прыжком вскакивает ей на спину, обхватывает её за шею большими цепкими лапами и с громким мурлыканьем начинает бурно облизывать её шершавым языком...

Дагни растерялась. Два импульса борются в ней сейчас: один — древнейший, инстинктивный, голос её охотничьих предков — приказывает: перед тобой опасный зверь, схвати его, загрызи! Другой — укоренившаяся с детства привычка к повиновению — затормаживает первый: сказано «фу» — значит «фу!».

Прижала уши, хвост между лапами, взгляд вопросительный, испуганный: «Хозяйка, что же мне делать?!»

— Ну чего ты, дурочка? Это же КУТЯ! Хо-ро-шая наша КУТЯ Дикси, Диксулечка... Посмотри, как она тебе обрадовалась!

Говорю, а сама удивилась и растерялась не меньше Дагни. Что это с Дикси? С чего это она, такая недотрога, вдруг разнежничалась, сама «на шею вешается», лижется?

Дагни уловила знакомые слова: кутя, хорошая, наша... Уши её встают, и хвост, поднявшись, описывает нерешительный полукруг. «Кутя? А что?.. Может быть, и так. Чужое лесное дитё, но всё-таки — дитё». (На нашем с Дагни общем языке «кутя» — щенок, детёныш, существо неприкосновенное и нуждающееся в нашей опеке.)

Настроение Дагни резко меняется. Если «кутя, дитё» — значит, надо за ним поухаживать: до чего же оно грязное, шершавое, вонючее. И Дагни принимается тщательно вылизывать смешную бородатую мордочку.

Дикси сначала отстраняется, гримасничает испуганно, отмахивается лапой, потом затихает и уже принимает Дагнины заботы как должное.

Через минуту они весело играют. Дагни, молодая весёлая собака, рада случаю повозиться, помериться ловкостью и силой. Наигравшись, обе валятся на пол и, высунув языки, блаженно отпыхиваются.

Если б они выражали свои чувства словами, то их, вероятно, можно было бы перевести на человеческий язык так:

Дикси: «Вот я наконец нашла свою маму. Ну конечно же, это моя мама. Мохнатая, тёплая, и уши торчком, как у меня...».

Дагни: «Всё-таки моя Хозяйка — умница. Она хорошо придумала, что взяла эту новую кутю Дикси. Очень здорово с ней играть. Только вот на лапах у неё какие-то колючки, я сейчас больно об них укололась... А ну-ка посмотрим, что там у неё такое...». Дагни придвигается к Дикси и тщательно обнюхивает подушечки на её лапах.

«Ну так и есть — колючки! Острые, кривые, как те рыболовные крючки, с которыми любит заниматься Хозяин. Надо бы их обгрызть, а то, того гляди, останешься без глаз...».

Она долго возится с Диксиными лапами, но хитрющая Дикси не отдаёт свои колючки, спрятала их куда-то, прищурилась, гудит басом что-то ласковое, размывчатое: «урр-муррр-ру...». А маленький куций хвостик в такт по полу: тук, тук, тук...

— Иди сюда, Дагни. Сядь и слушай, что я тебе скажу. С сегодняшнего дня официально утверждаю тебя в должности няни при куте Дикси. Надеюсь, ты оправдаешь оказанное тебе высокое доверие. Получи аванс: кусочек сахара. Что, мало? Хватит с тебя. От сладкого портятся зубы, мисс сладкоежка!

На первое время мы поселили Дикси в старом доме метеостанции. В одной половине этого дома помещалась маленькая самодельная выставка-музей, другая — зимой пустовала, и мы использовали её для зимнего содержания животных. Дикси получила отдельную ком-

нату с обстановкой: «туалетом» (ящик с опилками) и деревянным топчаном для спанья.

Через полмесяца после её появления у нас я решилась впервые выпустить нашу питомицу в сад метеостанции на прогулку под присмотром Дагни. И чуть было не вышло беды. Рысёнок вслед за своей «нянькой» проник в загончик для копытных и прыгнул на маленькую косулю Альку. А когда я с величайшим трудом буквально оторвала Дикси от перепуганной Альки и потащила её домой, гляжу: у неё передняя лапа вывихнута в плечевом суставе. И никак не даёт вправить: рывкает, отбивается...

Я побежала звать на помощь Джемса, но пока бегала, лапа как-то вправилась сама. Когда мы вбежали в комнату, Дикси, взъерошенная, сердитая, уже прыгала снова на всех четырёх.

Дней пять спустя прихожу к Дикси утром. Новая беда: Дикси глядит на меня одним глазом, другой глаз заплыл, загноился... Пришлось лечить — промывать борной. Хорошо, что Дагни помогла справиться со строптивой пациенткой: без неё Дикси нас к себе не подпустила бы.

Ещё через неделю новое несчастье: у Дикси почему-то голова набок, она даже бежит как-то боком, перекосившись на одну сторону...

Всё это были последствия плохого содержания и кормления в раннем детстве, когда рысёнок питался преимущественно супом и целые дни сидел взаперти в тесной тёмной клетке.

Мы добыли для нашей питомицы мяса, которое было ей так необходимо, и стали почти каждый день выводить её на прогулку в лес.

Как-то во время игры с Дагни мне удалось надеть на Дикси ошейник: хотелось мне приучить её гулять на поводке. Не тут-то было! К ошейнику Дикси привыкла легко, но стоило ей почувствовать натя-

нувшийся поводок, она приходила в дикую ярость: набрасывалась на меня, кусала и царапала. Пришлось от поводка отказаться, пожившись на «волю божью» и Дагни.

Был уже ноябрь. Выпал глубокий снег, наступили холода. В лесу Дикси почувствовала себя неуютно. Быстро зябла и, погуляв с полчаса, сломя голову мчалась в «берлогу», старый дом, отогреваться. На прогулках она бегала за Дагни, а когда Дагни не было около — за мной. Дотронуться до себя не разрешала, но явно отличала от чужих, при встрече с которыми затаивалась за деревьями. К этому времени относятся её дебюты на страницах газет и журналов: в «Комсомольской правде», «Неделе», «Огоньке». Фотографии и коротенькие заметки, в которых для усиления впечатления маленький заморыш-рысёнок превращался в огромную рысь, я — коренная сибирячка — в москвичку, «по зову сердца приехавшую в «дикую Сибирь», пихты — в традиционные «могучие сибирские кедры».

Я стала получать письма от любителей-натуралистов, которые интересовались нашей Дикси. Ручная рысь, да ещё такая, что гуляет со своими хозяевами по лесу, не часто встречается.

Но, увы! Говоря по правде, Дикси в это время ещё никак нельзя было назвать ручной.

Прошло уже больше двух месяцев, как мы получили Дикси, а она упорно отказывалась нас признавать. В присутствии Дагни, во время весёлой возни с ней, она ещё иногда разрешала погладить её, почесать за ушами, потеревить. Но, если мы заходили к ней в комнату без Дагни, проклятушая кошка забивалась в угол и — конец. Все усилия выманить её оттуда оказывались тщетными. Мало того, она ещё устраивала такие «аттракционы»: вытащит кусок мяса на середину комнаты, сядет над ним, рычит басом и накидывается, когда про-

ходишь мимо. Шлёпнула её раз веником, так она вцепилась в него зубами и когтями да так и проволокалась через всю комнату. Хорошо ещё, что Дагни и тут помогла: увидела однажды, как Дикси цапнула меня за ноги, схватила её за шиворот и задала трёпку. После этого Дикси рывкнет на меня — и тотчас оглянется на Дагни.

С Дагни Дикси сама нежность. При встречах бодает лбом, как кошка, громко мурлычет, лижет, обнимает мягкими лапами... А с нами — цапнет и смотрит в глаза: «Ну как? Больно? Боишься?» Кусок мяса, который ты же ей даёшь, выхватывает из руки с рычанием, со злостью, как взятый с бою.

Такая малышка, заморыш несчастный, и уже законченный хищник, озлобленный, непримиримый...

Но ведь способна же эта злюка на бескорыстную привязанность к Дагни, на нежную дружбу с ней! И значит... Значит, дело не так уж безнадежно, как кажется. Чем труднее, тем интереснее!

Проходил день за днём, а «укрощение строптивой» не шло на лад, хоть плачь. И я решила применить к ней своё старое, испытанное средство.

Поймала однажды строптивую злючку и притащила её домой, в комнаты.

— Что ты делаешь? — раскричался Джемс, когда я посадила Дикси посреди столовой. — С ума ты сошла, она же тут такого натворит!

Сказать по правде, я сама думала так же: натворит. Но иного выхода у меня не было. Иначе приручать я не умею. Мне обязательно надо, чтобы зверёныш стал как бы членом семьи, проводил всё время у меня на глазах. Только тогда сумею я взять его в руки.

С этого времени Дикси все дневные часы стала проводить с нами. Вела она себя в комнатах намного лучше, чем мы ожидали. Помните

рассказ Веры Николаевны Чаплиной, хозяйки львицы Кинули, об её неудачной попытке вырастить у себя дома маленькую рысь Таску? Из комнаты, в которой жила Таска, постепенно пришлось вынести всю мебель, снять шторы с окон, убрать цветы, картины, так как Таска всё пачкала и рвала, ухитрилась даже нагадить на картину, висевшую на стене. В конце концов Вере Николаевне пришлось отдать маленькую разбойницу обратно в зоопарк.

Дикси за все шесть месяцев (с ноября по апрель), которые она прожила у нас в комнатах, совершила только два серьёзных преступления: в клочья изорвала книгу «Чёрный обелиск» Ремарка да разбила цветок...

Как-то очень скоро и легко она научилась использовать для своих интимных делишек специально предназначенный ящик с песком. Приходилось только следить, чтоб ящик был всегда своевременно вычищен, — в противном случае аккуратная Дикси не соглашалась на него усестся.

Это случилось не вдруг, а происходило постепенно: я всё больше начала понимать Дикси, её язык (значение издаваемых ею звуков, выражения глаз, морды, которые резко менялись в зависимости от её настроения, угадывала внутренние причины тех или иных её поступков), а Дикси в свою очередь всё лучше и лучше понимала меня.

Медленно, с трудом между нами устанавливалась та связь, тот внутренний контакт, без которого невозможна никакая работа по приручению.

Вместе со взаимным пониманием укреплялось и взаимное доверие. Не знаю, кто из нас раньше — я или Дикси — поверил другому. Но когда это произошло, между нами стали устанавливаться свои особые отношения и посредничество Дагни стало ненужным.

Сегодня Дикси впервые позволила мне себя погладить в отсутствие Дагни.

Ещё через несколько дней внезапно подскочила сзади, обняла за талию мягкими лапами, легонько куснула и умчалась, прежде чем я успела понять, что это — приглашение к игре...

А ещё через месяц (в апреле) я уже выносила её на крыльцо к туристам, и прежняя упрямая злючка покорно висела у меня на руках, мурлыкая ласковую песню...

Я не профессионал-дрессировщик, не специалист, просто любитель. Правда, я прочла много книг специалистов и неплохо знаю теорию. Но ведь искусство дрессировки — это как верховая езда: можно отлично изучить теорию, но пока ты не почувствовал себя чем-то единым с конём (а ты сам не знаешь, как приходит к тебе это чувство),

ты ещё не наездник. И на галопе тебя будет бить «как собаку на заборе», и из седла ты, чуть что, вылетишь...

Я до сих пор не знаю, КАК это происходит. И это мгновение, когда дикий зверёныш впервые доверчиво к тебе приласкается, для меня всегда, как чудо.

Как-то я уехала в город. Дикси весь день просидела взаперти. Вечером, когда я пришла к ней, запела громкую песню, взяла лапой мою руку и так сидела, прижавшись. Потом легла рядом, не выпуская моей руки. Мясо лежит рядом, на него — нуль внимания!

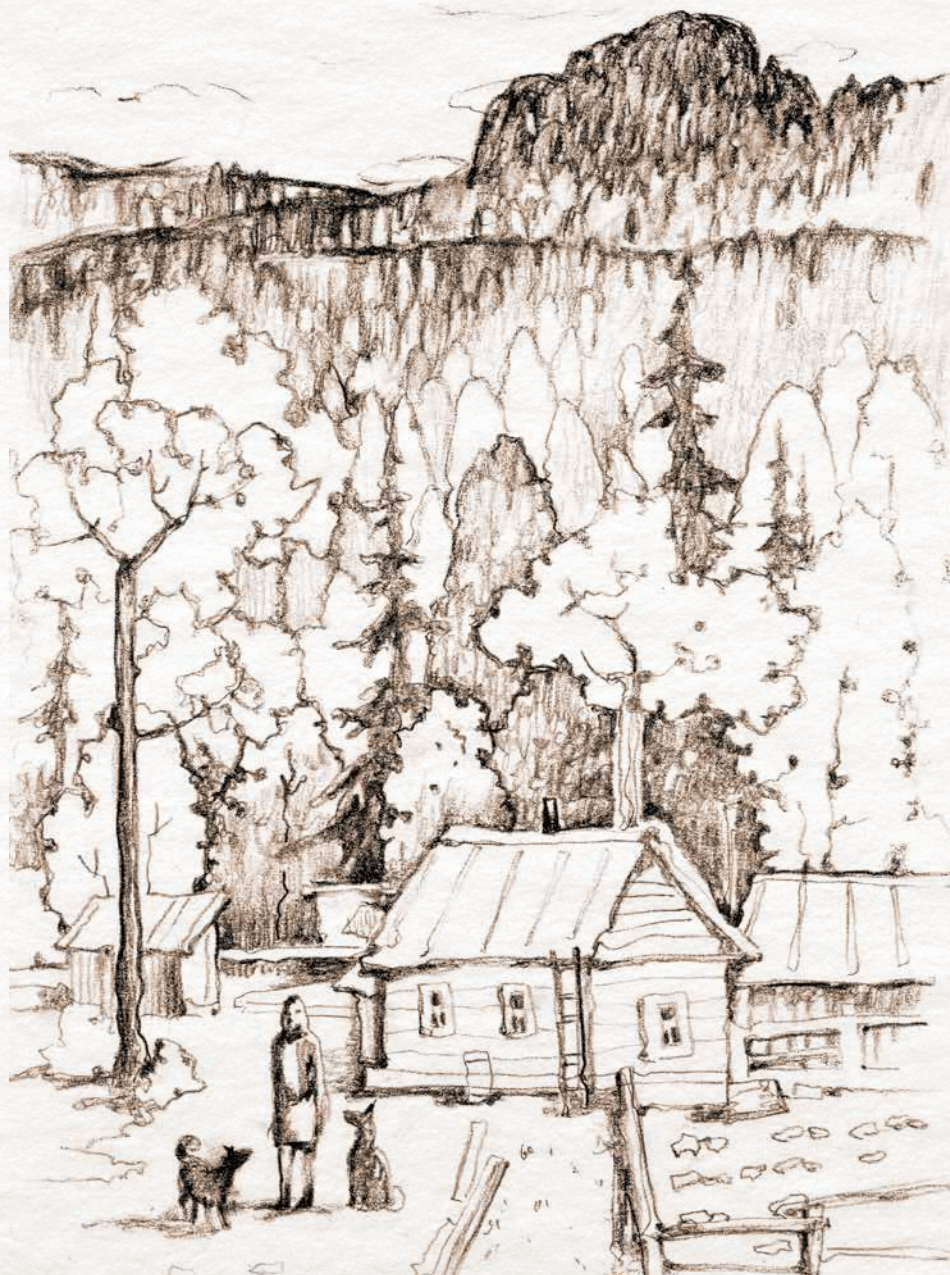
Много значило, конечно, и то, что Дикси поправилась, отъелась, из угрюмого больного заморыша превратилась в весёлого здорового малыша. Мягкой и пушистой стала шкурка, отросли кисточки на ушах, взгляд ярких глаз стал живым, любопытным, озорным. Со здоровым ребёнком всегда легче договориться.

Я очень люблю Дикси. Но это не значит, что, если завтра я получу записку: где-то у кого-то есть маленький-маленький детёныш росомахи, кабарги или снежного человека! — я не брошу все свои «текущие дела» и не поеду добывать его для нашего уголка.

Вот я читала: барсучата забавные и милые. А ручной бобрёнок! Вы знаете, какая это прелесть?! А на Алтае, в высокогорье, живут буны — горные козлы. Вот бы нам раздобыть себе такого бунёнка! Полез бы какой-нибудь новичок скалолаз на Митру, лезет по верёвке, царапается, а на него сверху, из-за гребня скалы — бородатая морда с рожами, как у чёртика: «бэ-э-э!».

(Только, пожалуйста, не говорите Джемсу, ему и так уже надоело строить всё новые и новые вольеры!)

Красноярский заповедник «Столбы», 1966 г.

Солька

Я никогда не думала, что ручные сороки — такие забавные и умницы, пока не попал ко мне на воспитание сорочонок Солька.

Ребята-юннаты принесли Сольку в подарок нашему зоологу. Но сорочонок за одни сутки успел так досадить всем в доме, что было единодушно решено отправить его ко мне на Столбы.

Работала я на огороде, полола морковную грядку и вдруг слышу: где-то за оградой кричит сорока. А сороки у нас на Столбах встречаются только осенью — на случайном залёте. Как она сюда в июне попала? Подняла я голову от грядки, прислушиваюсь — кричит где-то сорока. Настойчиво так, сердито — и всё ближе и ближе... Не на соснах ли, которые растут возле ограды?

В это время за калиткой остановились незнакомые девушки и спрашивают:

— Не вы ли будете заведующая метеорологической станцией?

— Я самая, — отвечаю и шарю глазами по вершинам сосен: где там эта сорока кричит?

— Так вот вам записка, — и протягивают мне клочок бумаги, на котором наспех нацарапано: «Посылаю вам сорочонка. Он наполовину ручной. Ест дождевых червей».

— А где же сорочонок?

— Да вот же он! — суёт мне в руки высокая девушка в красном беретике синий шёлковый платочек, завязанный узелком.

Ага! Так вот, значит, где сидит эта таинственная сорока, которую я тщетно высматривала на соснах!

Развязала я узелок, а в нём — короткохвостый, взъерошенный сорочонок с чёрными, круглыми, как бусины, глазами. Ради первого

знакомства больно цапнул меня за палец. И, широко разинув жёлтый рот, пронзительно прокричал на своём сорочьем языке: «Kaa! Kaa! Kхааа!», что я поняла так: «Умираю! Есть!»

Солька был голоден и обижен до крайности. (Ещё бы! Все его новые, «с иголочки» перышки измялись в дороге). Но умирать не собирался.

Закусив двумя дождевыми червяками и кусочком сырого мяса, он мигом повеселел, почувствовал себя дома и деловито занялся своим туалетом. Можно было подумать, что он всегда жил здесь: так смело и уверенно держался он в новой обстановке...

Когда сорочонок подрос и выучился летать, мы увидели, что его следовало назвать не Солька, а Буратино. Это имя замечательно подошло бы к нему — веселому, дерзкому, с круглыми глазами-бусинка-

ми и острым носом, который он вечно совал во все щёлки. Ну, вылитый Буратино из «Золотого ключика»!

До всего-то Сольке было дело, во всё он вмешивался. Не было ни одной кошки по соседству, которую Солька не дёрнул бы хоть разок за хвост! Да что кошки... Людям и тем скоро не было никакого спасения от нашего Сольки! Сорочонок до глубокой осени летал свободно по всему столбовскому посёлку, и ко мне то и дело приходили обиженные:

— Послушайте, ваша сорока у нас кусок сыра украла.

— А у нас мясо из котелка вытащила...

— Положили на пенёк мыло — смотрим, а его уже нет. Не иначе, ваша проклятая сорока утащила!

Помню раз, пришли два скромных, вежливых мальчика и попросили робко:

— Тётя, извините, посмотрите, пожалуйста, в клетку вашей сороки... Она, кажется, туда наш ножик положила. — И вид у них такой смущённый, словно их самих уличили в покраже.

Заглянула я в клетку. Верно, в Солькином заветном тайничке под доской лежит новенький перочинный ножик...

Недаром, видно, зовут в народе сороку воровкой!

В конце концов за разные Солькины художества пришлось нам запереть его в вольеру — большую клетку, в которой у нас раньше жили глухари. Сидеть целые дни взаперти очень скучно, но Солька не унывал. С утра до вечера прыгал по вольере и всё что-то бормотал себе под нос на своем сорочьем языке.

Я не прислушивалась, что он такое там бормочет, пока однажды мне не сказали:

— А Солька-то у вас говорит!

— Да ну, пустяки, как это говорит! Трещит себе по-сорочьи, и всё! — не поверила я.

— Какое по-сорочьи! Ясно выговаривает своё имя «Соль-ка» и совершенно вашим голосом!

На другой день сижу я одна в комнате и вдруг слышу, как во дворе кто-то негромко говорит:

— Солик? А, Солик? Солька? — да ласково так, нежно.

Выхожу во двор — никого нет. Только Солька прыгает по вольере и посматривает на меня хитрым своим глазом. Села работать — и вот опять:

— Солик... Солька... Как?... А, Солик?!

И вправду, оказывается, мой сорочонок научился говорить!

Кроме собственного имени, которое Солька произносит очень чисто, он ещё умеет кудахтать, как наседка, сзывающая цыплят, и отлично передразнивает кукареканье молодого задорного петушка.

Для того, чтобы рассказать обо всех Солькиных забавных проделках и приключениях, понадобилось бы написать целую толстую книгу.

До страсти любит Солька купаться. Окунётся с головой в тазик, пополощется, разбрызгивая воду по всей комнате, потом взлетит на насест, посидит немножко — и снова в воду. Так раз десять подряд, пока не промокнет и не превратится в маленький жалкий комочек мокрых перьев на тонких палочках-ножках. Тогда Солька забирается на самый верхний насест, где потеплее, и садится там отдохнуть. Это долгая процедура! Около часу, а то и больше сидит иногда Солька столбиком, терпеливо просушивая каждое перышко в отдельности...

Когда Солька был ещё маленький, с ним в вольере жил глухарёнок. Как-то я насыпала глухарёнку песку, и он начал в нём пурхаться, как это всегда делают все его родичи. Солька долго наблюдал за

глухарёнком. Затем залетел в поилку с водой, побултыхался в ней, по-сорочьему обычаю, и, мокрый, бух в песок рядом с глухарёнком! Выскочил весь облепленный песком, посидел немножко, подумал, снова — бух в поилку с водой! Так он проделал несколько раз. В хорошем же он был виде после этого песчано-водяного купания!

Летом Солька подолгу играл с детьми на поляне, любил гоняться с ними наперегонки за большим резиновым мячом и сердился, когда ребята уходили, забрав мячик. Солька тогда летел за ними и больно бил их по рукам...

Зимой в вольере вместе с Солькой жила бесхвостая сорока Полторы-тарары. Попала она к нам уже совсем взрослой, с простреленным крылом, и до конца осталась угрюмой и дикой. Солька её немножко побаивался, что не мешало ему самым нахальным образом перехватывать у Полторы-тарары все лакомые куски, какие мы ей давали.

Несколько раз у Сольки с Полторы-тарары происходили по этому поводу настоящие сражения. Полторы-тарары в пылу драки пронзительно кричала по-сорочьи: «Трах-тах-тах-тара-рах!» А Солька, нападая на неё, чётко, задорно выговаривал:

— Солька! Солик! Как? Как? Солька! Кудкудах-кубах-кудасудах!

Как-то загнал он Итку — моего девятилетнего сынишку — под диван. Итка, лежа под диваном, обиженно пыхтел, мрачно отпихивался ногами в белых валенках, а сорочонок на скакивал на него козырем и кричал задорно:

— Солик... Как? Как? Солька? А? Солька? — и норовил клонуть «врага» в самое чувствительное место.

Больше всего приключений у Сольки из-за его страсти к воровству. Вороват Солька ужасно. Просто не может не стащить то, что «плохо лежит». Утащит и запрячет куда-нибудь. Начинаешь стелить

вечером постель, а под подушкой — растаявшая соевая конфета, кусочек сыра или баранка. Как-то утащил у меня из шкафа пакетик с молотым перцем и рассыпал перец по всем комнатам, так что все потом чихали. Утащил у гостя коробку папирос из кармана. Унёс на крышу и запрятал папиросы в разных местах. Серебряные монеты, бритвенные ножички, часы — всё, что блестит, — лучше и не клади на виду — утащит!

В конце зимы Солька у нас заболел. Грустный, вялый, сидел он целыми часами, нахоясь, где-нибудь в тёмном уголке. Перестал разговаривать и даже с Иткой не дрался. Дашь ему какую-нибудь блестящую пуговицу, он возьмёт её в клюв, подержит немножко и выпустит — словно тяжелобольной ребёнок, которому уже не до игрушек.

Одну — особенно любимую, перламутровую — пуговицу всё-таки решил спрятать. Колеблущимися шагами пошёл было с ней в уголок, уронил её на ковёр, да и задремал тут же, повесив голову.

Очень было грустно смотреть на больного Сольку-Буратино, потерявшего всю свою неугомонную живость. И когда наш сорочонок весной начал понемножку поправляться, у нас в доме стало весело, как в праздник.

Пришла весна.

Грязный, обтрёпанный, но весёлый и бойкий по-прежнему, Солька целые дни теперь на улице.

К форточке у нас привешен колокольчик. Солька звонит в него, чтобы попасть домой. Позвонит и спокойно ждёт.

Знает, что сейчас впустят. А если не услышишь сразу, не откроешь, поднимет такой трезвон, что мёртвый проснётся!

Сердится: «Ну, на что это похоже? Солька домой прилетел, и вдруг не пускают! Сольку? А?. .»

Весь столбовский посёлок — Солькина вотчина. Всюду у него заветные тайнички, в которых он хранит свои блестящие игрушки и запасы на чёрный день. Все жители поселка — двуногие, четвероногие, и пернатые, и столбисты — Солькины хорошие знакомые. С одними у него прочная дружба, с другими Солька в постоянной вражде.

Если вы подразнили его однажды, можете быть совершенно уверены, что он узнает вас, когда вы придёте в следующий раз на Столбы, и — берегитесь! Клюв у Сольки как железный, а обид он не забывает.

Когда кто-нибудь приезжает в посёлок верхом на коне, Солька тотчас летит навстречу и бреющим полётом спускается на гриву лошади или на голову всадника.

Лошади прижимают уши и шарахаются. Люди, не знакомые с Солькой, удивляются:

— Уж не бешеная ли, чего доброго, сорока?..

Хорошо, что мы живём в заповеднике, где все птицы и звери под охраной. К тому же все жители нашего посёлка знают, что сорока — ручная, и Сольку никто не трогает.

Вот только Солька, убедившись в своей безнаказанности, окончательно потерял всякий страх. И это очень плохо для него. Вдруг ему вздумается улететь от нас, подыскать себе подружку, зажить своим птичьим домиком? Как тогда? Дикая птица должна ведь всего бояться, а Солька? Испортили мы сорочонка своим воспитанием вконец! Самая это пропащая птица — сорока, потерявшая страх!

Фитька

Я сплю. Голова моя лежит на подушке, а рука осторожно придерживает под подбородком тёплый пушистый комочек. Этот комочек — живой. Когда я нечаянно во сне слишком сильно прижимаю его к себе, он начинает шевелиться и сонно бормотать: «Фить... фить...».

На рассвете я уснула очень крепко и разжала ладонь. Серая кошка Кисана, спящая у меня на одеяле, настораживает уши и медленно приоткрывает большие изумрудные глаза-фонарики. Глаза щурятся, кончик хвоста подрагивает. Потом Кисана вспоминает, что за такие дела больно бьют по носу, и, чтоб не поддаться искушению, снова зажимуривается. Фонарики потухли.

А из-под моей ладони на подушку осторожно вылез крупный пушистый цыплёнок, весь разрисованный по желтовато-зеленоватому фону маскировочным узором из чёрных чёрточек и точек. На плечах — четыре ряда развёртывающихся перышек, чем-то напоминающих квадратики на шахматной доске. Лапочки у цыплёнка толстые и тоже пушистые — словно в длинных фланелевых брючках цвета хаки. Глаза большие, чёрные — таких глаз никогда не бывает у обыкновенных цыплят.

Конечно, это не простой цыплёнок. Это Фитька, будущий глухарь. Дней пять назад я принесла его за пазухой из леса...

Сев на подушке около моей головы, Фитька деловито чистит измявшиеся за ночь перышки-шахматы.

На стуле, придвинутом вплотную к кровати, небольшой ящик-клетка с открытой настежь дверцей. В клетке на полу насыпаны муравьиные яйца. Фитька упруго спрыгнул с подушки в клетку и с аппетитом принялся за завтрак.

Вдруг ему показалось, что он совсем один. И, должно быть, разом стало очень страшно, потому что он выскочил на порожек клетки и, широко разинув клюв, громко закричал: «Пи! Пи!»

Я сплю. В комнате больше никого нет. Только снова зажглись два изумрудных фонарика — раскрылись кошачьи глаза.

«Пи! Пи!» — всё отчаяннее кричит Фитька, вытянув шею и встав на цыпочки.

Мне трудно проснуться — я ведь всю ночь спала вполглаза, боясь задавить пригревшегося у меня под подбородком Фитьку. Но я уже слышу сквозь сон этот жалобный и вместе с тем требовательный вопль глухарёнка и, не открывая глаз, зову:

— Фитька! Ты что это, маленький? Фитька!

Услышав мой голос, Фитька немедленно замолкает и с довольным «фить, фить...» принимается за муравьиные яйца.

Фитька был последним из глухарят, которых я воспитывала. Растить его я решила совсем иначе, чем всех своих прежних питомцев.

Все Фитькины предшественники у меня погибали. Не потому ли, что я лишала их необходимого условия существования — свободного полёта? Птица должна летать. Весь её организм приспособлен к полёту. Как только Фитька немного подрос, я предоставила ему полную свободу.

Обилие ягодных кормов — тоже немаловажное условие для выживания глухарят. Я решила кормить Фитьку ягодой досыта, благо был он у меня в этом году «единственным ребёнком», а значит, и обеспечить его ягодой было не так уж трудно.

Ночью Фитька спал у меня под подбородком, а днём — в нагрудном кармане моей лыжной куртки. Выспится, высунет из кармана пушистую головку и скажет: «Фить!» Это значит: «Выпусти меня» —

я гулять хочу! А нагуляется — и сам бежит ко мне в ладонь греть озябшие лапки.

Если мне почему-нибудь некогда было сразу взять его к себе, он вспархивал на мою кровать и устраивался там на меховой шкурке, возле тёплого бока Кисаны.

— Фить... фить, — сонно твердил Фитька, поудобнее обминая местечко на шкурке. — Фить.

Кисана откроет глаза-фонарики, глянет, а я строго:

— Кисана!

Сощурился. Только кончик хвоста шевелится, как у тигра, притаившегося в джунглях.

А Фитька возьми да и вскочи к этому «тигру» на спину! Мягко, тепло.

Кисана подумала-подумала, спрятала когти и замурлыкала ласковую песню. Лень уходить со шкурки. Раз уж нельзя съесть, пусть себе сидит...

Подрос Фитька.

Теперь уже всем видно, что это не обычный цыплёнок. Высокий, голенастый, с толстыми, как у страуса, пятками, и борода растёт — растрёпанная, словно у старика. Целые дни Фитька гуляет во дворе метеорологической станции, охотится в зарослях крапивы на разных букашек, купается в тёплой сухой земле с краю морковной грядки, а время от времени прибегает в комнаты с воплем: «Пи! Пи!»

Двор большой, зарос наполовину всяким таёжным бурьяном, Фитьку в нём и не видно. Кто его знает, где он там бродит в этих таёжных джунглях? Да Фитька к тому же так раскрашен, что можно и за два шага от него пройти, не увидев. Но стоит только мне показаться на крыльце и крикнуть: «Фитька!» — где-то в зарослях бурьяна тихонько в ответ: «Фить... фить...».

И вот зашевелился куст цветущего морковника, вылез из бурьянных джунглей на тропинку мой Фитька: «Здравствуйте, вот он я, куда не девался. Зачем звала?»

Скучно было Фитьке одному, и он всё приставал к моим ребятишкам — Итке и Люсе. Ребята играют в песке на солнце — и Фитька тут же. Устроится рядышком, протянет крыло и лапу — принимает солнечную ванну. Стали лепить на крылечке из глины зверят — прибежал Фитька. Лезет прямо в ладони, отнимает намятые кусочки глины; съел глиняного зайца у Люси. Пошли в лес — и Фитька за ними. Летит с криком вдогонку.

Вечерами никак не хотел садиться один на насест — кричал, волновался. Должно быть, для полного счастья необходимо ему было, чтоб и ребята садились на ночь с ним на насест по-птичьи.

К осени вырос мой лесной цыплёнок в великолепную могучую птицу — глухаря. Оперение — бурое с пепельно-серым, отликает на груди зелёным. На плечах — два ярко-белых пятнышка. Хвост — роскошный, веером, чёрный, в мраморно-белых разводах. А над сверкающими глазами пылают широкие алые брови.

Что значит свобода и хороший корм! Обогнал Фитька в своём развитии не только всех моих прежних питомцев, но и диких глухарей — своих сверстников.

Лето в тот год было отличное — ягоды уродилось много. Съедал у меня Фитька по целой пол-литровой баночке черники, по три-четыре горсти отборных муравьиных яиц сразу. Ну, да и за нашим обедом ему всегда кое-что перепало. Во время своих прогулок в лесу Фитька тоже много находил для себя вкусного.

Вот и рос он как на опаре и вымахал с доброго гуся. Сядет вечером подремать на письменный стол и займёт его чуть не весь целиком.

Никто бы не подумал, увидев Фитьку, что это выращенная в неволе птица. Перо у Фитьки было гладкое, блестящее, взгляд живой, движения упругие, стремительные. Могучие Фитькины крылья легко носили его всюду, куда ему хотелось. Нередко теперь я слышала:

— А вашего глухаря утром под «Митрой» видели.

— А мы вашего глухаря сегодня хлебом на стоянке под «Первым» кормили.

— А ваш Фитька на черничнике у «Беркутов» пасётся.

А Фитька тем временем уже на подоконнике распахнутого окна. Сидит и чистится — прилетел домой!

Совсем ручным вырос Фитька. Но всё-таки из всех окружавших его людей он по-настоящему признавал только меня и немножко Люсю, мою дочку. С Люсей они часто дружной парочкой прибегали со двора к обеду. Итку, который его дразнил, Фитька как-то загнал в сарай и держал там в осаде, пока я не пришла на выручку.

Был Фитька бесстрашен и очень любопытен. Однажды к нам во двор ввели два мотоцикла. Фитька сейчас же вышел из дому. Он смело вертелся под самой грудью механических чудовищ и даже, привстав на цыпочки, клюнул один мотоцикл в блестящий глаз-фару.

Как-то раз к нам во двор забежала чужая собака. Я вышла поскорее прогнать её, боясь, что она задавит Фитьку. Но Фитька, выскочивший вслед за мной на крыльцо, накинулся на неё и так сильно ударил своим крепким клювом в глаз, что собака с воем кинулась прочь.

У знакомых он всегда проверял рюкзаки и требовал своей доли угощения.

Ко мне Фитька был очень привязан. Когда я уезжала на несколько дней в город, он явно скучал. Домашние жаловались мне потом, что с Фитькой без меня «просто сладу нет». Капризничает, злит-

ся, раскидывает корм, подолгу исчезает из дому, вечером не хочет садиться на насест.

Фитька утром всегда «досыпал» у меня в ногах на постели. Проснувшись, я видела по одну сторону ног мою рыжую собачонку Ю, а по другую — точно в такой же позе — Фитьку.

Когда я вставала с постели, он выражал свою радость бурными прыжками по комнате. Грива поднята, хвост раскрыт веером. Прыжок влево, вправо, громкий удар крыльями — так играют молодые глухари между собой где-нибудь на лесной полянке погожим осенним утром.

На столике у меня были установлены циферблатные весы с платформой. На таких весах взвешивают продукты в гастрономах. Фитька привык, что я всегда даю ему на этих весах какое-нибудь лакомство, и сам поутру заскакивал на платформу взвешиваться.

С Фитькиной помощью я надеялась подытожить мою многолетнюю работу по изучению развития глухариного молодняка.

Однажды мне сообщили, что в Красноярск приехала киноэкспедиция снимать цветной фильм на Столбах. Главный режиссёр, узнав о ручном глухаре, рассчитывал использовать моего Фитьку для съёмки.

Очень мне хотелось увидеть Фитьку на экране!

...Гаснет свет. Сотни глаз устремлены на освещённый экран, на котором проходят знакомые картины сибирской тайги.

Уголок соснового бора. Золотятся на солнце стволы сосен. Яркие среди зелени осенние рябинки. На поваленном дереве, подставив солнцу отливающую изумрудом грудь, сидит огромный глухарь. Спокойно охорашивается, расправляет могучие крылья. Сверкают глаза. Горячим пламенем вспыхивает в солнечном луче алая бровь.

Он здесь, близко. Он снят самым крупным планом. Можно различить каждое перышко в его оперении.

Десятки тысяч людей нашей страны увидят его таким: во всём великолепии его дикой и гордой красоты.

И много-много лет пройдёт, а мой Фитька всё будет жить на освещённом экране...

Так я мечтала.

Но съёмка не состоялась. За день до приезда кинооператоров на Столбы Фитька исчез. Большая это была для меня неудача. Осталась неоконченной интересная работа...

Я думала, что глухарь просто отбился от дома — зажил свободной жизнью своих диких родичей.

Только через год я случайно узнала, каков был на самом деле конец моего Фитьки.

Тысячи туристов из всех городов Союза посещают заповедник «Столбы». Это наши лучшие друзья. Многие из них лично знали моего Фитьку, кормили его хлебом, оберегали от всяких бед, переживали вместе со мною все неудачи и успехи моей работы по его воспитанию. Но нашлось трое или четверо хулиганов, которые не понимали, какую ценность представляет эта птица, для которых мой ручной глухарь был только куском мяса и ничем больше.

Фитьку поймали, убили и съели.

...Вот уже сколько лет прошло, а всё ещё больно и горько вспомнить.

ТАНЫШ

Его принесли к нам в маленькой корзинке, с какими обычно ходят по грибы, вместе с приданым — бутылочкой молока и соской. Наверное, ему было тогда не больше одного-двух дней от роду.

Весь он, казалось, состоял из ножек — необыкновенно длинных, тонких, которые беспомощно разъезжались на гладкой поверхности пола, — огромных подвижных ушей и глаз — больших, блестящих, с густыми, загнутыми ресницами. Ножки, уши и глаза... А хвостик? Хвостика не было совсем. У косуль хвостиков не бывает.

Сам ярко-рыженький, с белыми пятнышками по всему телу, весёлыми, как солнечные зайчики, а глаза, носик и копытца — чёрные.

Совсем ещё малыш, он был трогательно бесстрашен (как всякий здоровый ребёнок) и доверчиво принял наши заботы. Соска оказалась не нужна. Косулёнок отлично пил молоко прямо из блюдечка. Захлёбывался от торопливости, брыкал ножками и требовал ещё. Аппетит у него был отличный, и вообще он вовсе не казался угнетённым разлукой с матерью.

Уже на вторые сутки он стал бегать за нами, как маленькая длинноногая собачка.

Назвали его Таныш. «Таныш» по-тувински — «другок». Скоро он уже отлично знал своё имя и послушно прибегал на зов.

Мы стали брать его с собой в тайгу. Первое время Таныш быстро уставал. Часто значительную часть пути мне приходилось нести его на руках. Маленькие ножки не справлялись с большими расстояниями. Постепенно наш питомец окреп. Вместе с нашими «рыжиками» (двумя небольшими собачками Тымоем и Ю) он всюду сопровождал нас в наших экскурсиях.

Несколько раз мы едва не потеряли его в лесу. Заляжет где-нибудь в траве и лежит тихо-тихо, не отзываясь на наши призывы. Шкурка в пятнышках, и на траве повсюду светлые солнечные зайчики. Пройдёшь рядом — и не заметишь. Так он мог лежать очень долго. Но как только видел, что мы на самом деле собирались уходить, вскакивал и с жалобным писком бежал за нами.

С «рыжиками» — Тымоем и Ю — Таныш жил в полной дружбе. Отлично уживался он и с маленькой серой кошечкой Кисаной, которая нередко вылизывала его шкурку вместе с мягкими шкурками собственных котят. Наша пегая монгольская лошадка Горбунок также пользовалась доверием Таныша. Он бесстрашно лазил у неё под грудью.

Однажды осенью, когда Таныш уже сменил свою пёструю детскую шкурку на серовато-бурый зимний мех взрослой косули, в посёлок заповедника, где мы жили, случайно забежала чужая собака. Собака зачуяла запах косули, пошла по её следу.

Я бежала со всех ног на помощь к Танышу, но меня опередил маленький Ю. Ощетинясь, кинулся наш «рыжик» между чужой собакой и козлом. Большой пёс заколебался, отступил, и в это время подбежала я.

А Таныш? Таныш, из-за которого поднялся весь переполох, стоял и, насторожив уши, любопытно рассматривал незнакомого пса, даже не думая удирать. Он ведь вырос с нашими рыжиками, нередко ел с ними из одной чашки. Собаки никогда не были для него врагами.

Нас уверяли, что, став взрослым, Таныш обязательно уйдёт от нас. Но наступила зима, пришло время, когда косули откочёвывают из горной тайги на малоснежные склоны предгорий, а Таныш всё ещё оставался с нами.

По-прежнему неизменно сопровождал он нас во всех наших экскурсиях.

Когда снег в тайге достиг полуметровой высоты, трудно пришлось бедняге. Нередко, бредя по следу наших широких охотничьих лыж, Таныш вдруг по шею проваливался в рыхлый сугроб. Раздувая ноздри, отпыхиваясь, пролежит несколько минут, рванётся, выбросит ножки на край сугроба, прыгнет — опять провалится... И так до бесконечности.

Живя с нами, он привык есть всё: хлеб, картошку, овёс. Ел сахар, конфеты. Особенно же полюбил мясной суп с рожками или с вермишелью.

Весной косули, как и все другие звери в это время, линяют. Начал и Таныш перелинивать в летний, рыжий мех. Рожки у него окостенели, он стал раздражительным, нервным.

Заповедник «Столбы» посещают тысячи туристов. Скоро наш Таныш приобрёл всеобщую известность.

В выходные дни козлику нередко крепко досаждали посетители. Шумной пёстрой толпой приходили «в гости к Танышу» девушки-столбистки — полюбоваться, поахать и погладить его мягкую шкурку. Фотографы-любители затевали настоящую «охоту за диким козлом», фотографируя Таныша во всех видах аппаратами всех систем. Обычно Таныш некоторое время терпел щёлканье их аппаратов. Потом внезапно терпение его истощалось. Прижав уши, зло скосив глаза, он так стремительно атаковывал фото-охотников, что тем не оставалось ничего другого, как обратиться в постыдное бегство.

Когда стоял в тайге последний сугроб и на полянах поднялись высокие сочные травы, мы решили, что настало время разлуки с Танышем.

Наш козлик начал заметно отбиваться от дома. Всё чаще теперь он бродил по тайге совсем один, перестал прибегать на зов и редко уже сопровождал нас на экскурсиях. У него началась своя собственная, отдельная от нас жизнь.

Об этой жизни в тайге, вдали от людей, мы могли только догадываться.

Время от времени он всё же навещался домой, с жадностью съедал предложенные ему лакомства и заваливался спать. Спал он всегда на полу, возле нашей кровати, как собака, раскинув длинные ноги, положив на бок голову. Отдыхал в родном доме после скитаний по тайге.

Однажды его не было целых пять дней. Конец — решили мы.

Тайга цвела. Осыпанные белым снегом цветов стояли черёмухи. В пёстрый благоухающий ковёр превратились лесные поляны и горные склоны. Не смолкал от восхода до заката звонкий птичий хор...

Как-то с обоими «рыжиками» и нашим пегим Горбунком мы далеко забрели в тайгу.

Сумерки застали нас километрах в трёх от дома. Горбунок, потряхивая короткой гривкой, шёл ленивым шагом, то и дело хватая зубами сочные травы. Тымой и Ю рыскали где-то по сторонам тропинки. Я шла пешком позади Горбунка, собирая букет душистых лесных цветов.

Сказочно хорош был лес. И мне вдруг пришло в голову, что где-то здесь, наверное, бродит сейчас наш Таныш.

— Таныш, Таныш, Таныш! — звала я. А лесное эхо звонко откликалось нам. Взлетела испугнутая нашим криком птица, и вдруг, залаяв, кинулись вперёд по тропе наши «рыжики».

Что это? Так только в сказках случается! Глянула я влево и вижу: в каких-нибудь десяти шагах от нас, на цветущей лесной опушке, стоит по колени в ярких цветах дикий козлик. Насторожил большие уши, откинул голову с молодыми, ещё не ветвистыми рожками, а кончик на правом роге загнут, как у нашего Таныша.

Собаки с лаем промчались мимо — за кем-то гонятся. А он не шелохнулся. Стоит и смотрит на нас. Потом тихонько подошёл ко мне...

Пять дней бродил он в тайге далеко от дома, а встретился с нами так, словно мы расстались только вчера.

Сумерки совсем уже сгустились, когда мы наконец двинулись дальше: всё никак не могли расстаться с Танышем. Ведь мы были уверены, что видим его в последний раз.

Разошлись наши дороги. Вольной лесной жизнью зажил наш козлик, и не пойдёт он больше по нашему следу, как бывало прежде...

— Прощай, Таныш! Будь счастлив! — говорю я, а сама всё глажу и глажу его рыжую шкурку.

А он тряхнул ушами: что, мол, пристаёшь? Повернулся и пошёл себе по цветущей полянке прочь от нас...

— Ну, всё, — сказала я, вздохнув, — поехали.

Молча, нехотя двинулись мы от этого места. Сомкнулись позади густые зелёные ветки деревьев, и за капризным изгибом лесной тропинки скрылась из глаз знакомая фигурка бредущего по цветам козлика.

Прощай, Таныш! Прощай навсегда!

Но что это? Шелохнулась ветка сбоку тропинки, стукнуло о землю копытце. Широкими лёгкими прыжками, закинув на спину рогатую головку, догонял нас Таныш.

Таныш живёт у нас и теперь. Летом он часто уходил и не возвращался домой по нескольку суток. Бродил где-то далеко в лесу — верно, всё искал своих. Но, должно быть, не очень-то приняли его в свою компанию дикие козули, и подружки себе так и не удалось ему найти. А когда пожелтели в лесу травы, и облетел лист с деревьев, Таныш окончательно вернулся к нам.

Здесь всё привычно. Здесь так вкусно кормят, ласкают, а самое главное — здесь не страшно. Можно спать, раскинув ноги, уронив на бок отяжелевшую голову, спать крепко-крепко, как никогда не спят дикие животные.

Очень уверен в нас Таныш. И мы никогда не обманем это доверие.

Так хорошо, когда такое вот дикое лесное существо видит в тебе друга!

Чим

Когда мы познакомились, у Чима была несоразмерно большая голова, на висках топорщился, как рожки, золотистый пух, хвостик был ещё совсем коротенький, куцый; голенастые ноги служили ему единственным средством передвижения — летать Чим ещё совсем не умел.

Он был толст, доверчив и не требовал от жизни ничего, кроме нескольких жирных дождевых червяков на ужин.

Чим был чернозобый дрозд. У нас в заповеднике эти дрозды — одни из первых прилётных гостей. Ещё стоит холодная, неустойчивая погода с сильными заморозками по ночам, ещё не раскрылись почки на черёмухе и курятся белым дымком тающие сугробы, а где-нибудь в пихтаче у Беркутовского ключа уже раздаётся резкий крик чернозобого дрозда — весёлого вестника весны...

В большой вольере с Чимом сразу подружился воробьёнок Чипчик. Вместе спали (два пушистых комочка рядышком на жёрдочке), вместе ели. Чипчик, крошечный, юркий, хвостик задорным торчком, всячески обижал добродушного Чима. Он вырывал у него самые лакомые кусочки из-под носа, он вскакивал к толстому, неповоротливому дроздёнку на спину и ездил на нём, как на коне, по всей вольере.

Так было, пока Чим не вырос и не превратился во взрослого дрозда — дымчато-серого красавца с чёрной грудью и большими блестящими глазами. И тут характер его переменялся. Куда девались его неповоротливость и добродушие?!

С рассвета до заката Чим щебетал, носился по вольере, задорно кричал вслед пролетающим птицам, бросая им весёлый и дерзкий вызов, и никому из обитателей большой вольеры не было от него покоя. Он задирает всех: тихую перепёлку Пельку, которая целые дни

сидела теперь под листиком лопуха, своего закадычного друга Чип-чика, дятла Кика... Он не давал мне спать в лунные ночи. Лунный свет, видите ли, действовал ему на нервы, и он носился по вольере и возбуждённо кричал, пока я не вскакивала с постели в полной уверенности, что в вольере забрался кот.

А как он пел! Бесхитрое щебетание Чима, напоминавшее апрель и хрустящий звон тающих снегов, доставляло мне ничуть не меньше удовольствия, чем самая искусная песня какого-нибудь пернатого лауреата!

Чим был отважен и доверчив. Он вырос среди людей и всех их считал своими друзьями. Стоило мне зайти в вольер, как он летел ко мне, садился на плечо, на голову, нежно заигрывал со мной, брал корм из рук.

Так же смел он был и с чужими. Когда к вольере подходила шумная толпа туристов и все мои пернатые питомцы спешили скорее спрятаться кто куда, Чим, увидав гостей, наоборот — с радостным криком летел навстречу.

Отважный и бесхитрый Чим никогда бы не додумался выбраться из вольеры, если бы не Чип-чик. Этот негодный воробышка как-то разом, за одну ночь, превратился в совершенно взрослого, самостоятельного воробья. С тех пор он совершенно отказался от моей опеки. В вольере у него всегда имелись «в запасе» дырочки в сетке, сквозь которые он в любой момент мог выбраться на свободу.

Много раз я видела, как, ускользнув от преследований Чима в одну из своих лазеек, он прыгал по сетчатой крыше вольеры прямо у Чима над головой, распускал крылышки и задорно чирикал, словно дразнился: «А вот не поймать меня! Не поймать! Где тебе, глупому, жирному дрозду, отсюда выбраться! Так и просидишь весь свой век в клетке!...»

Дразнил-дразнил, чирикал-чирикал, да наконец и показал лазейку, сквозь которую можно вылететь на волю.

Вылетел Чим...

Золотая осень в тайге, простор, солнце, ветер... Деревья шумят... Кричат в прозрачном воздухе перелётные стаи — зовут за собой в неведомое...

Эх, Чим, Чим! Перезимовал бы у нас. Ну, где тебе летать с вольными дроздами в далёкие страны! Неопытный ты, доверчивый, ничего-то ровно не знаешь о тех опасностях, что подстерегают птицу на воле...

Погоревала я, погоревала да и утешилась. Что ж делать? Таков закон жизни. Всякой матери рано или поздно приходится, вздохнув, сказать своему ребёнку: «Лети!»

ПОТАП МАКСИМОВИЧ

Потап Максимович — длиннохвостый суслик. Хорошенький такой зверёк: ушки маленькие, круглые, глаза черные, как ягоды смородины, а шкурка жёлтая, в крапинку. Если его рассердить — хрюкает и хвостиком дёргает, а хвостик у него от злости делается похожим на ёршик, которым чистят бутылки.

Жил он у нас в небольшой клетке, ел всякую всячину: хлеб, овёс, одуванчики, — пил молоко и на даровых харчах скоро стал гладенький, толстый, как поросёнок, даже розовое сало просвечивало на брюшке сквозь редкие волосики.

Потап Максимович вечно всё припрятывал на чёрный день. В клетке у него был склад всяческих продуктов: в одном углу — отборный орех, в другом — пшено, в третьем — овёс. И притрагиваться к своим запасам он никому не позволял...

Забавно он спал: обязательно в своей «кроватьке» — картонной коробке из-под ботинок, на мягкой подстилке, да ещё сверху прикроется, бывало, какой-нибудь тряпочкой, как одеяльцем.

Развалится в кровать, лапки на толстом животике сложит и спит.

Однажды подхожу к клетке — нет Потапа Максимовича! Убежал. Прогрыз в сетке дыру — и был таков!

Весь день его не было, а вечером смотрим: бегают у крыльца, старается попасть домой. Ручная ворона Карыш и кошка Кисана принялись было за ним охотиться — спрятался под крыльцо. Потом вдруг оказался в комнате. Прибежал и стал столбиком — на свою клетку заглядывает. Я взяла его на руки, посадила в клетку. Он попил молока и улёгся спать.

Так и повелось: каждое утро Потап Максимович убегал из клетки, а в сумерки возвращался домой.

Обедал он на огороде нашего лесника, Семёна Ильича, — там ему было настоящее раздолье: и капуста, и морковь, и огурцы — всего вволю. Семён Ильич на него не обижался. «Один суслик много не съест», — говорил он. А молоко пить Потап Максимович повадился ходить к ботанику, Татьяне Николаевне. Не спросясь хозяйки, заберётся в подпол, сбросит с крынки крышку и пьёт сливки в своё удовольствие.

Картонной коробке он изменил: должно быть, блохи у него в матрасике завелись — и на ночь заваливался спать на парусиновый тент, которым была обтянута клетка. Я положила ему носовой платок, он в него завёртывался, как в одеяльце.

Как-то Джемс Георгиевич повесил свои носки на край клетки. Утром хватился — нет носков! Расшумелся: куда носки девались? Хорошо, что я догадалась заглянуть к Потапу Максимовичу. Лежит зверёк, свернувшись в комочек, — видно, замёрз. Сверху носовой платок, как простынка, а поверх простынки — носки...

ПЕЛЬКА

Пельку поймали мальчишки. В тот год много таких стелек — маленьких, глупых полевых курочек-перепёлок — попало в их руки. Неожиданно ударили в конце сентября морозы; снег покрыл толстым слоем землю, и перепёлки не успели улететь в тёплые края. Иззябшие, изголодавшиеся, беспомощные, они путались повсюду и легко становились добычей мальчишек.

Ко мне Пелька попала уже зимой. Вид у неё был самый жалкий: грязные перья висели на ней, словно платье на неряхе, — так и казалось, что все пуговицы на этом измятом, целую вечность не стираном платье пооторваны. Головка у неё была совсем лысая, и, может быть, поэтому очень напоминала Пелька свою американскую тётю-индюшку в миниатюре.

Когда я впустила её в клетку, она первым делом принялась «стирать» своё грязное платье!

Она вскочила в ванночку с песком и начала с упоением пурхаться.

Видели вы, как курицы пурхаются летом в пыли, где-нибудь на завалянке, на солнышке? Вот так пурхалась и маленькая Пелька. Загребала песок лапками, ложилась на бок, била коротенькими крылышками, поднимая тучи пыли, и от удовольствия ворчала, насвистывала тихонечко.

Выкупалась, отряхнулась, почистила клювом перышки и стала потихонечку жить.

Была глубокая зима, все Пелькины родичи — перепёлки — давным-давно улетели в Африку и Южную Азию.

Наверное, Пелька думала, что она тоже в Африке. Она отъедалась, купалась в песке раз по пять в день и терпеливо дожидалась весны, когда можно будет лететь домой.

Как узнала Пелька, что наступило это время, не знаю, но именно в апреле, когда перепёлки двинулись из Африки в обратный путь на родину, маленькая тихая Пелька словно сошла с ума.

Днем она вела себя по-прежнему спокойно, но как только темнело, из Пелькиной клетки начинали сначала доноситься тихие звуки перепелиного «боя» и потом — фрр! Это Пелька внезапно поднималась на крыло и летела.

Всякий раз она со всего размаха стучалась о верх клетки и, оглушённая, падала на пол, но никак не могла удержаться от непреодолимого стремления взлетать снова и снова... Целые ночи она не давала нам спать.

Джемс Георгиевич сердился.

— Что за глупая птица, — говорил он.

— Что же поделать, если ей непременно нужно лететь! — возражала я. — Это ведь она из Африки летит.

— Глупости! — ворчал Джемс Георгиевич. Но по утрам стал спрашивать Пельку:

— Ну, Пелька, где ты сейчас? Перелетела уже через Средиземное море? Скоро прилетишь?

«Пли–пли–пли», — тихонько, шепотком отвечала Пелька из ванночки с песком.

В начале лета я перевела Пельку в уличную клетку — вольеру.

Там было просторно, росли большие, уютные лопухи, июньское солнце щедро прогревало песок.

И Пелька сразу успокоилась. Прилетела!

Лоська

Маленького лосёнка Лоську подарили заповеднику ребята Тыртежского детдома.

Ребята очень любили своего Лоську, но при детдоме было негде держать лосёнка, и жил он в тёмном свинарнике, куда никогда не заглядывало солнце. Поэтому рос Лоська калекой: бегать совсем не мог и ходил как тот игрушечный бычок, про которого в песне поётся:

*Идёт бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
«Ой, доска кончается —
сейчас я упаду».*

Ребята и решили отдать его в заповедник.

Пришлось мне форменным образом учить Лоську ходить. Каждый день я брала его с собой на прогулку. Первое время мы гуляли с ним в двух шагах от дома, так как уже через десять-пятнадцать минут Лоська уставал и начинал мекать.

На больные Лоськины коленки я ежедневно делала примочки, а главное — заставляла Лоську как можно больше бывать на солнышке.

Несмотря на все старания, Лоська поправлялся медленно, зато очень скоро он так привязался ко мне, что стал гоняться за мной, как маленький ребёнок за матерью. Ни минуты он не желал оставаться один.

Уведу его на солнышко, на опушку леса, а он, только заметит, что я ухожу, — ковыляет за мной. Как будто мне только и дела было, что его пасти!

Приходилось его обманывать. Приведёшь на опушку, дождёшься, когда он начнёт пастись, и крадучись убегаешь...

Но и это не всегда помогало — Лоська как будто меня караулил, и далеко не всегда мне удавалось ускользнуть.

Приковыляет Лоська к дому и целыми часами, пока не сжалюсь и не выйду к нему, топчется на крыльце и мекает, надрывая сердце: «Мэ-ээ-э... э-мэ...».

Ну и уродище он был! Четырехугольная верхняя губа, вся в бородавках, нависла над нижней козырьком, под подбородком какая-то нелепая серёжка, уши торчком, как у осла; пузатый, передние угловатые в коленках ноги куда длиннее задних, а на плечах лохматая рыжая грива... Настоящее чудище лесное, про таких разве только в сказках можно вычитать!

Шея у Лоськи была короткая, а несоразмерно длинные передние ноги совсем не гнулись, и, чтобы достать что-нибудь с земли, Лоське приходилось расставлять их, как ножки циркуля, или становиться на коленки. Он иногда целые часы пасся на коленках.

Весь день Лоська ковылял на свободе, и только на ночь я запирала его в конюшне вместе с конём Горбунком и козой Иринкой. В конюшне у Лоськи было отдельное стойло с собственными отдельными яслями. В ясли я накладывала ему не сено, как Горбунку и Иринке, а ворох осиновых веток. Это было любимое Лоськино кушанье.

Первым долгом Лоська объедал почки. Ветки же он ел так: засовывал в рот один конец и долго, сосредоточенно жевал, жмурясь от удовольствия. Иногда недожёванная ветка падала на пол. Нагибаться Лоська ленился — он тянулся к яслям за другой.

Очень любил Лоська солёное пойло. Увидев меня с ведром, он бежал стремглав, натываясь на все встречные предметы и второпях отдавливая своими копытищами мне ноги. Окунал в ведро морду до самых ушей и, аппетитно булькая, вылавливал из пойла карто-

фельные очистки и корки. Выудив крупную картофелину, он вынимал морду из ведра и принимался с наслаждением хрумкать, а с бороды его текли на пол целые реки...

Постепенно здоровье его улучшалось, опухоли на коленках исчезли, и наконец Лоська стал бегать уже по-настоящему.

Когда я шла в лес, Лоська обычно сопровождал меня. Иногда заленится и не пойдёт сразу со мной или по дороге заупрямится и останется где-нибудь на поляне, но я хорошо знала, чем кончаются такие Лоськины капризы, — всё равно, рано или поздно, не выдержит, кинется догонять.

Диги-диги-диги-динь! — это Лоськин колокольчик вызванивает, в лесной тишине далеко-далеко слышно.

Бежит Лоська, а сам слушает: не раздаётся ли впереди мой голос? Сначала было ленивым шагом тронулся, потом рысцой, а теперь уже и в мах пошёл, далеко выкидывая длинные ноги в белых гамашах. («Ой, не догону, ой, ушла...»)

И вот не выдержал, закричал на весь лес, заревел, как дитя малое, от обиды, от страха, что потерял: «Мээээ!»

Сяду я где-нибудь на лесной полянке отдохнуть, и Лоська тут же пристроится, голову на мягкий мох положит, шею вытянет и спит.

Лечь Лоське было всегда ох как трудно! Уж очень ноги несуразно длинные! Складывает их, складывает, потом бух на бок! Вздохнёт, выправит ногу поудобнее и губу бородавчатую от удовольствия сморщит в складочку.

А раз было так: стал Лоська «складываться», чтоб лечь на крутом склоне, да и «сложился» не в ту сторону — бухнулся на бок и перевернулся через голову. Хотел вскочить — ещё раз перевернулся... Так и катился кувырком под гору, пока не застрял, зацепившись длинными ногами за пень.

Вскочил, встрёпанный, и фыркает — испугался!

Постепенно Лоська всё больше привязывался к нам. Он и прежде привык доверять людям, а на Столбах окончательно стал считать каждого человека своим другом.

Его баловали — такое милое ласковое уродище! А Лоська и рад стараться, просто невозможным попрошайкой стал — только и смотрел, чтоб что-нибудь вылянчить. Аппетит же у него был огромный.

Целые сутки, бывало, дежурит возле столбовских избушек в ожидании подачи, а станут гнать — обидится и ну вопить, да так жалобно, капризно, как балованный ребёнок: «Мэ-э... эмэ... ми...».

Уже немало лет прошло с тех пор, но и теперь ещё многие посетители заповедника помнят милого уродца с бородавчатой губой и нелепой серёжкой под подбородком, который так забавно обижался, когда его гнали прочь, и в каждом человеке видел доброго приятеля, неспособного причинить ему, Лоське, какое-нибудь зло.

Кик-КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Он был ещё совсем малыш, когда его вынули из родного гнезда в дупле старой осины и принесли нам в картонной коробке из-под башмаков, перевязанной крест-накрест верёвочкой.

Вот это был подарок!

Я ведь давно мечтала о ручном дятле, который прилетал бы ко мне на зов из леса.

Ведь пёстрый дятел — душа леса. Весёлая, звонкая, никогда не унывающая душа. Нечто вроде лесного джинна. А приручить джинна, чтоб он влетал к тебе в форточку, — разве это не заманчиво?

Кургузенький, большеголовый Кик ужасно напоминал мне, особенно когда сидел, поджав лапки и вобрав голову в плечи, ярко раскрашенную деревянную матрёшку.

Раскрашен он был куда уж ярче: на голове блестящая, словно атласная, красная шапочка; и штанишки тоже яркие — розовые, как будто Кик нечаянно сел в блюдечко с малиновым вареньем. А костюмчик пёстрый — бело-чёрный.

У него был чудо-язык: тонкий, длинный и трепещущий. Языком этим дятел без труда выуживает добычу из самых глубоких и узких щелей.

Отлично служил Кику для этой цели и крепкий прямой клюв-долото.

Глазки у Кика были маленькие и всегда словно хитро прищуренные.

Через несколько дней он уже вполне освоился в новой обстановке и признал меня «мамой». Завидев меня, тотчас сползал вниз по сетке и тихонько просил есть: «ке-ке-ке-ке!».

Взбирался на плечо и запросто лазил по мне, как по дереву, цепляясь коготочками за платье... Когда же я пыталась поймать его, чтобы посадить обратно в клетку, прятался у меня на спине, с удивитель-

ным проворством ускользая из рук. Спрячется и выглядывает из-за плеча. Только хочешь схватить — а его уже нет!

Однажды утром, когда Кик сидел, прицепившись к сетке, дикая дятлиха подлетела к вольере с жирной личинкой в клюве. Должно быть, пожалела Кика и решила его угостить. Но Кик, вместо того чтобы обрадоваться, страшно перепугался и с криком бежал под мою защиту.

Когда Кик подрос, стали выявляться не совсем приятные в общении свойства его дятлиной натуры.

Как все дятлы, Кик был по натуре работяга и не мог минуты просидеть без дела. Целые дни он «работал». Не только штукатурка в комнате — все деревянные части вольеры, рама и наличники выходившего в вольеру окна страдали от неугомонной деятельности Кика.

В конце концов мне пришлось поставить в вольеру большой обрубок дерева, чтобы Кик было над чем работать, а то, пожалуй, он раздолбит на кусочки весь дом...

От его клюва-долота доставалось порой и мне. Если, зайдя к нему, я не потороплюсь угостить его, он вприпрыжку, цепляясь за платье, взбирался на моё плечо, с плеча на голову и принимался выбивать по темени такую крепкую дробь, что я поневоле скорее хваталась за карман. И горе мне, если там не оказывалось орехов — его любимого лакомства!

Рос Кик быстро и, как только выучился летать, категорически «заявил» мне, что просторная клетка-вольера его совершенно не устраивает. Ведь он, Кик, — вольная птица и не намерен об этом забывать! В один прекрасный день выбрался из вольеры сквозь дыру в сетке и улетел.

Случилось это, когда меня не было дома, а Джемс Георгиевич не сумел «угговорить» его вернуться. Кик заночевал на берёзе в саду, ночью попал под проливной дождь и только утром — несчастный, промокший до костей — прилетел домой. Я обнаружила его на земле у вольеры. Он тщетно пытался пролезть сквозь сетку и, увидев меня, радостно закричал: «Ке-ке-ке!»

Но первая неудача его ничуть не обескуражила. Обсохнув и наевшись досыта кедровых орехов, он снова стал искать лазейку, чтобы выбраться на свободу.

Скоро мне надоело заделывать дыры в вольере и ловить беглеца, который только и смотрел, как бы снова удрать, — я предоставила ему жить, как он хочет.

Кик поселился в лесу около станции. Где он ночевал, не знаю — наверное, в каком-нибудь старом дупле. Но каждое утро на рассвете

я просыпалась теперь оттого, что он прилетал и стучал в моё окно. Я раскрывала окно, и Кик залетал в комнату.

На подоконнике для него всегда бывал с вечера приготовлен сытный завтрак — кедровые орехи и муравьиные яйца, которые он ловко слизывал своим чудо-языком.

Моя мечта сбылась. Теперь я могла по желанию вызывать «джинна» из лесной чащи и даже кормить его с ладони.

...Выхожу в сад — к берёзе. Зову. И вот где-то далеко, в живом волнующемся море зелёных вершин возникает маленькая быстрая молния... Всё ближе, ближе... Мелькает чёрное, белое, красное... Отчётливый шум торопливых крыльев — и вот он, Кик! Прицепился

на ствол ближайшей сосны и посматривает на меня хитро прищуренными глазками. Убедившись, что это действительно я и что на ладони у меня горстка кедровых орехов, он с ласковым «ке-ке» слетает вниз, прицепляется к моему фартуку и вприпрыжку взбирается на плечо.

Иду по лесу — в кронах осин весёлый переполох, «работает» неутомонная синичья стайка. Вдруг, откуда ни возьмись, Кик — прилетел и прицепился, как пёстрая брошка, на грудь.

Приходилось всегда иметь в кармане запас орехов — на случай.

Как-то на рассвете Кик, как всегда, прилетел на моё окно и, позавтракав горсточкой орехов, исчез.

— Послушай, — остановил меня, встретив в обед на дворе плотник, строивший у нас в посёлке новую баню, — у тебя был ручной дятел?

— Как — был? — насторожилась я. — У меня есть ручной дятел!

— Испугал меня сегодня, леший... Я работаю, а он как вцепится мне в волосы! Так перетрусил — думал, рысь на меня прыгнула, — хватил его шапкой и...

Увидев выражение моего лица, он опустил глаза и сказал смущённо:

— Так ведь шапкой, шапка-то мягкая... поди, ничего твоему дятлу не случилось...

Кик всегда был очень осторожен. Что заставило его сесть на голову к совсем незнакомому человеку? Может быть, его преследовал ястреб, и маленький Кик бросился к плотнику, надеясь найти у него защиту? Так иногда поступают и совсем дикие птицы в минуту смертельной опасности. Убил ли Кика перепуганный плотник или, потеряв навсегда доверие к друзьям-людям, улетел Кик в другой, далекий лес, хозяином в котором живёт и поныне, кто знает...

Но только никогда больше Кик-красная шапочка не прилетал на рассвете к моему окну.

Ройка

Что может быть беззащитнее маленького оленёнка?! Всё его спасение в рыженькой шкурке, усеянной белыми пятнышками, похожими на солнечные зайчики: ярким летним днем в чаще леса такая шкурка делает оленёнка почти невидимкой. Солнечные зайчики на траве, на листьях, светлые пятнышки на шкурке. Лежи неподвижно, притаившись, — авось враг пройдёт мимо и не заметит. Лежи, вытянув голову, подобрав под себя длинные ножки с острыми чёрными копытцами... Жди, пока придёт мама и накормит.

Но мама не приходит слишком долго. Очень хочется есть, очень страшно. И маленький оленёнок начинает кричать высоким, резким птичьим криком.

Молчи, глупыш. Если будешь кричать, тебя съедят!

Женщины, косившие сено на лесной поляне, подняли головы и прислушались.

— Что это? Словно бы ребёнок кричит! — сказала одна.

Кричал и вправду ребёнок — только ребёнок оленя. Маленькая маралушка, уставшая дожидаться свою мать. Видно, кто-то убил марала-матку (у охотника-браконьера нет совести!), и вот теперь маралушке осталось одно — погибать.

Быстро темнеет в горах. Сгущающиеся сумерки таят тысячу опасностей для маленького беззащитного существа. Вот хрустнула ветка. Сверкнёт пара зелёных огней — глаза хищника... Прыжок — и всё будет кончено...

Маралушке повезло. На её крик пришёл не зверь, а человек, и человек, который поступил как друг.

Так попала к нам самочка сибирского оленя-марала. Мы дали ей имя — Ройка.

Первые дни Ройка всё звала мать — кричала резким птичьим криком. А потом забыла, что у неё когда-то была мама-олень. Смешной, лобастенький, глазастый малыш. Чужое дитя, которое теперь стало моим.

Появилась у нас Ройка, и мы с Джемсом Георгиевичем всерьёз задумались: а как же Волчик? Он был теперь огромным матёрым волком. Коза Иринка, завидев его издали, начинала метаться на привязи и орать.

А ведь Иринка — сильная, большая коза с острыми рогами, а Ройка? Маленький, беззащитный оленёнок — законная волчья добыча.

Удастся ли нам внушить Волчику, что Ройка «фу», что её ни в коем случае нельзя трогать? Ведь жить-то им вместе! Выручил нас Ройкин характер.

Характер у оленёнка оказался как у былинного Алёши Поповича, про которого говорится, что он был «не силой силен, а напуском смел...»

Испугайся Ройка Волчика при первом знакомстве, вряд ли нам удалось бы убедить Волчика, что Ройка «фу».

Но Ройка в первый же раз, когда Волчик к ней сунулся, сама на него напала и так здорово стукнула его передними острыми копытцами по лобастой голове, что Волчик разом усвоил урок.

Оказалось, что Ройку и Горбунок уважает. Косулята и лоси вечно ходили по его милости с плешинами на спине и боках (Горбунок не упускал случая цапнуть их мимоходом ни за что ни про что). А вот Ройку не трогает. Даже разрешает ей совать морду в свои ясли.

Коза Иринка попробовала однажды пригрозить Ройке рогами (лосята её боялись — уж очень «колючие» у неё рога). Больше не пробует. Ройка разом отучила!

Ройка всегда нападала первая. Может быть, поэтому она и выходила победительницей из всех стычек. Её стремительный натиск почти не встречал отпора — перед ней все отступали... Вероятно, Ройкины противники думали, что смешной малыш очень силен, если смеет нападать так отважно...

Вот и получается: «Не силой силен, а напуском смел...». А между Ройкой и Волчиком завязалась настоящая дружба.

Волчик очень умён, он быстро запомнил, что если Ройку выпустили из загона — значит, сейчас пойдём гулять. Поэтому он стал бурно радоваться Ройке: кидался ей навстречу и, виляя хвостом, умильно лизал её морду.

А когда Ройка подросла, я совсем перестала бояться, что Волчик может её обидеть. Жила у нас Ройка на полной свободе.

...Однажды вечером слышим: звенит Ройкин колокольчик. Да как-то особенно задорно, весёлыми переливами. Заглянули за угол дома

и видим: Волчик, припав на передние лапы, повиливая хвостом, внимательно — голова набок — следит за Ройкой, а Ройка перед ним такое выделяет! То она на передних ногах ходит, а задние в воздухе, то наоборот: поднимается на дыбки и передними помахивает, а то и вообще колесом крутится.

Волчик смотрел-смотрел да как прыгнет! Ройка на него, взмахнула копытцами над его головой, он увернулся и помчался по блоку — только цепь загремела. Ройка отпрыгнула в сторону, Волчик за ней — да цепь не пускает.

Унеслась Ройка в лес... Носится вокруг Волчика по широкому кругу, мелькая между деревьями. И вдруг стала бить передними копытцами о землю: тук! тук! тук! Головку закинула, ноздри раздуваются, распушилась вся. Побежала опять на Волчика.

Да ведь это они так играют! Вспомнили мы, что и вчера слышали, как звенел Ройкин колокольчик и громыхала волчья цепь. Значит, они уже не первый раз друг с другом играли. Сдружились!

Вот тебе и исконные враги!

Роя живёт у нас уже шесть лет. Живёт на полной свободе: приходит и уходит, когда ей вздумается. Нагуляется по тайге, прибежит домой и перескочит в ограду. Её никакие заборы не держат — просто беда! Приходят весной туристы в свой палаточный городок на опушке соснового леса под Столбами и только начнут разбирать рюкзаки, разводить костёр — является к ним Роя. Подходит с достоинством, неторопливо, гордо подняв свою точёную головку. Подходит как хозяйка этих мест приветствовать дорогих гостей.

— Словно в сказке! — говорят, любуясь ею, туристы.

Да, как в сказке. И сказку эту от нас самих зависит сделать ещё богаче и интересней. Чтоб не только Роя и другие наши ручные вос-

питанники, а и дикое лесное зверьё в заповедниках привыкло доверять людям.

Как будет тогда интересно, подумайте!

Пришли вы в заповедник и только успели развернуть стан, как уже сбегаются к вам со всего леса весёлые пушистые белочки, бесстрашно запрыгивают на ваши плечи, заглядывают в карманы. Скачут грациозные родичи Таныша, слетаются шумными стайками птицы, а то и сам «таёжный хозяин» — Миша Топтыгин — пожалует к вам: лично поприветствовать дорогих гостей и отведать у туристского костра каши с мясной тушёнкой! Шучу, конечно, только эта шутка очень близка к правде.

«Так не может быть!» — сомневаетесь вы. Нет, может! Больше того: так будет! Только знаете, чего я боюсь? Не всё ещё у нас хорошо. Вот вырастила я Рою такой доверчивой, бесстрашной, а вдруг и она, как когда-то Фитька, как лосята Елочка и Светик, о которых я вам ещё когда-нибудь расскажу, станет жертвой браконьера?

Ведь всё ещё бродят по нашим заповедным лесам такие типы: равнодушные ко всему, кроме личной выгоды, слепые к живой красоте природы. Ищут себе лёгкой добычи.

А такой доверчивый ручной зверь, как Ройка, для них прямо находка — подходи и бей в упор, наверняка.

Вот для того-то я и написала эту книжку. Я хочу, чтобы ещё больше людей узнало и полюбило моих ручных дикарей. Чтоб как можно больше было у них хороших, добрых друзей. Таких друзей, которые, как настоящие хозяева, будут любить и беречь свои заповедники — чудесные уголки родной природы.

Такие друзья всегда сумеют защитить. Они не позволят хозяйничать на нашей земле тем, кто слепо губит её богатство и красоту. Вы будете такими друзьями, правда?

ПАН КАЗИМИР

Пан Казимир был заяц. Но не хорошо знакомый мне наш таёжный заяц-беляк, а русак, первый русак, с которым мне довелось иметь дело. Он был очень похож на мелкопоместного польского шляхтича из романа Генрика Сенкевича, и я назвала его Паном Казимиром...

Вид у них обоих был очень печальный: и у девушки, и у самого Пана, классическая ушастая голова которого торчала из рюкзака у неё за плечами.

Подозреваю, что их обоих просто-напросто выгнали из дома в тот день, после очередного подвига Пана Казимира. Наверное, он опять пообедал шерстяным свитером (он, как объяснила нам его молодая хозяйка, «обожал» изделия из чистой шерсти), прогрыз дыру в одежде или совершил ещё что-нибудь столь же «героическое».

На морде у Пана Казимира была написана философская покорность судьбе, он слегка шевелил раздвоенной губой, словно говоря: «Что ж... всё случается в жизни... умрём, но шляхетской чести не уроним!»

Я хотела принять его достойно — из рук в руки, но, как только вытащила из рюкзака, освободив ушастую голову из петли, Пан Казимир распрямился, словно взведённая пружина, и изо всех сил лягнул меня задними ногами.

— Нет, с ним вот так надо, — сказала девушка, решительно взяв Пана Казимира за длинные уши. Пан Казимир тотчас перестал лягаться, затих и повис в её руке, как воздушный шар, из которого выпустили воздух.

Пан Казимир всем нам очень понравился. Даже Джемсу. Джемс долго сидел на корточках перед клеткой, куда мы посадили Пана,

разглядывая его, трогал за уши, гладил и расспрашивал меня: кусается ли он и, если кусается, то очень больно или не очень?

Пан Казимир не кусался. Сидел смирно, поджав под себя все четыре лапы, заложив длинные уши на спину и посверкивая золотисто-коричневым глазом. Физиономия у него была печальная и выглядел он несчастным и угнетённым.

От морковки он гордо отказался, колбасу (рекомендованную для ручных русаков Бремом) также отверг, попил немного молока и вновь погрузился в чёрную меланхолию.

— Да он совсем хороший заяц! — восхитились мы. — Сидит себе в клетке, никуда не лезет, можно его даже не запереть!

В течение двух дней Пан Казимир действительно сидел в клетке, ел овёс, запивал молоком и меланхолично шевелил раздвоенной губой, словно размышлял о бренности всего земного. На третий день под вечер он вдруг нацелил оба уха вперёд и, как по команде «пли!», «выстрелил» из клетки.

На дороге у него стоял наш маленький рыжий пёсик Тымой. Пан Казимир, с истинно панским высокомерием, не удостоил его заметить, он просто-напросто перемахнул через Тымоя и отправился дальше по своим заячьим делам.

Тут ему преградила путь Дагни. Она была раза в три больше Пана, и её он соблаговолил заметить — они понюхались.

Потом Пан Казимир встал на задние лапы, осмотрелся, опять нацелил уши и «выстрелил» в спальню. Дагни, заподозрившая его в каких-то нечистых намерениях, озабоченно побежала за ним.

Игнорируя её присутствие, Пан стал деловито исследовать: нет ли в спальне шерстяных вещей, которые можно погрызть. Шерстяных

вещей не оказалось. Пан Казимир разочарованно потрянул ушами и убежал к себе в клетку подкрепиться овсом.

Дагни пришла за ним, легла перед клеткой и, просунув в дверцу лапу, осторожно потрогала Пана по носу. Пан подскочил и — бац! Бац! Отбарабанил передними лапами по кормушке. Дагни отскочила, облизнулась. Села, подумала немножко, опять подсунулась, на этот раз мордой. Снова — бац! Пан Казимир влепил ей крепкую пощёчину. Дагни взвизгнула. Пан Казимир пошевелил губой и с независимым видом отправился мимо нас в служебное помещение.

И началось!

Клич: «Где заяц? Смотри за зайцем!» — стал боевым кличем нашего дома. Пан Казимир возникал в самых неподходящих местах: на обеденном столе, на подоконнике среди цветочных горшков, где он с задумчивым видом пробовал листья жасмина и аспарагуса, оценивая их на предмет съедобности; на кроватях; в служебном помещении метеостанции. Шевеля раздвоенной губой, он деловито осматривал здесь метеорологическое оборудование, как член инвентаризационной комиссии, который хоть ничего не понимает в метеорологии, но считает нужным показать себя сведущим в этом деле.

Нас Пан Казимир вспоминал только тогда, когда был голоден. Проголодавшись, он разыскивал меня, поднимался на задние лапы и решительно барабанил по колену: давай лопать! В других случаях он нас игнорировал, мы для него просто-напросто не существовали.

Если мне теперь кто-нибудь будет говорить, что русак — кроткое существо, которое всех боится и не умеет за себя постоять, я ему не поверю. Пожил бы он на одной жилплощади с нашим Паном Казимиром!

Директор вышел из кабинета и запнулся за черепаху, ползшую через порог. На столе завхоза сидел ушастый совёнок и таращил на директора огромные оранжевые глаза.

— Это ещё что за зверинец?

— Да вот принесли... Просили передать в «Уголок» на Столбы...

Совёнок испугался, что директор сейчас его съест: распушил перья и защёлкал клювом. Черепаха, полежав несколько секунд неподвижно, снова начала своё медленное неотвратимое движение к порогу директорского кабинета. Директору показалось, что всё здание Управления полно зверей.

— Убрать! НЕМЕДЛЕННО!

Директор ушёл в кабинет и плотно запер дверь.

На Столбы совёнка и черепаху доставили Оля и Коля, ребяташки лесника. Они охотно согласились выручить завхоза — передать «зверей» по назначению. Черепаха ехала у Коли за пазухой, а совёнка Оля несла «букетиком» в вытянутой руке. «Букетик» щёлкал клювом и таращил на встречных глаза — пугал, чтоб не съели. За эти необычайно яркие оранжевые глаза совёнок получил у нас имя Ясь.

Прожив в «уголке» с неделю, Ясь заболел. Мы перевели его из совиной вольеры в «больницу имени Айболита» — на хозяйственный дворик, где находились у нас всякие болящие и калечные. Поставили у стены дома, в холодке, фанерный ящик и посадили на него совёнка, прямо так, без клетки. Летать ведь Ясь ещё не умел.

Целые дни наш больной сидел на ящике, нахохлясь, сонно тараща глаза.

Скоро ему заметно стало лучше... И тут я уехала на три дня в город.

Возвращаюсь — все мои помощники, «штатные» и «нештатные» (Витя-Митя, Джемс, Люба, Лариса и Люся), в смущении и панике. Просмотрели Яся! Недаром гласит пословица: у семи нянек дитя без глазу. Ушли обедать, а совёнок слез с ящика — и был таков! Искали Яся «всем миром», «прочесали» дворик, сад, опушку леса — тщетно.

Сам добывать пищу совёнок ещё не умел, летать совсем не мог. Случилось это на другой день после моего отъезда. Значит, уже третий день он голодает. А вернее всего, попался на зуб «гитлерам» — крысам, их целые полчища бегали и пищали в кустах малины по ночам.

Тут бы и конец истории Яся, если бы...

На другое утро, как всегда, стою я на метеоплощадке, записываю температуру, влажность, направление ветра и одновременно, привычно, «краем сознания» отмечаю всякие лесные голоса.

За долгие годы работы в заповеднике я хоть и не выучилась разговаривать на «птичьем языке», как кто-то из туристов предположил, но понимать этот язык немножко умею.

...Кого-то чернозобые дрозды «застукали» близ своего гнезда, что в пихтаче; один подал сигнал тревоги, второй отозвался издалека (лечу, лечу!). Ух, как «застучали» в два голоса, всполошились. Интересно, что там у них случилось, кто их так растревожил? Не Шпион ли это (рыжий кот лесника) опять там хозяйничает?

Вот теперь Кик Тэрэрэрэ, большой пёстрый дятел, «заговорил», а вот и синичка-гаичка присоединила свой звонкий, как маленький колокольчик, голосок к общему тревожному хору: «Тревога! Тревога! Летите все сюда! В нашем лесу враг!»

И тут меня как ударило: Ясь! Это же они об Ясе!

Забегала в дом, бросила дежурную книжку и карандаш на стол и — за калитку!

Продираюсь сквозь густую чащу молодых пихтачей к тому месту, где «митингуют» птицы, а они, как нарочно, услышали моё приближение и смолкли. Нет, вот опять «застучал» дрозд, теперь совсем близко. Знаете, как в игре: «холодно, холодно, тепло, холодно... Горячо! Здесь!»

Небольшая полянка среди пихтачей. На стволе осины прицепился дятел, поглядывает на меня круглым чёрным глазом. С ветки на ветку озабоченно перепрыгивают два чернозобых дрозда. Яся нет. Осматриваюсь вокруг — нет!

Неужели ошиблась? Не о нём «говорили» птицы? Разучилась понимать их «язык»?

Вдруг как что-то меня в спину толкнуло оглянуться.

А позади на тонком сухом пеньке, вытянувшись столбиком, застыл, ну совсем пенёк, только глазищи живые, сидит Ясь и таращится на меня.

— Доброе утро, Ясь! Ты ещё не завтракал?

(Бедный малыш! Представляете, какой он был голодный — «постился» целых четыре дня!)

Благовари птиц, Ясь, это они помогли мне тебя отыскать!

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	3
О Крутовской.....	7
Дикси.....	8
Солька.....	40
Фитька	48
Таныш.....	57
Чим.....	63
Потап Максимович	66
Пелька	68
Лоська.....	71
Кик-красная шапочка	76
Ройка	81
Пан Казимир	86
Ясь	90

Крутовская Е. А.

ДИКСИ

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

ФГБУ «Национальный парк «Красноярские Столбы».
660006, г. Красноярск, ул. Карьерная, 26 а,
тел.: 269-86-67, www.zapovednik-stolby.ru

Изготовление: Полиграфическая компания «Sitall»,
г. Красноярск, тел.: 8 (391) 218-05-15, www.sitall.com
Заказ № 60850/3. Тираж 2 000 экз.